

31

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ

МОСКВА, Новая пл., 6. ЛЕНИНГРАД, Проспект 25 Октября, 66. ХАРЬКОВ, Горяиновский переулок, Дворец Труда, ком. 15. КИЕВ, улица Воровского, 25, пассаж, 33. РОСТОВ на ДОНУ, улица Фридриха Энгельса, 102. ТАШКЕНТ, улица Карла Маркса, 28. СВЕРДЛОВСК, улица Малышева, 62. ВОРОНЕЖ, площадь Революции, 20. САМАРА, Ленинградская улица, 37. НИЖНИЙ НОВГОРОД, улица Свердлова, 8. САРАТОВ, улица Республики, 13.

55 коп.

Р

Е181281
Цитируем

Л. ГЛАЗОВ и М. МАРКО

СИГНАЛ
ИЗ
ТВЕРИ

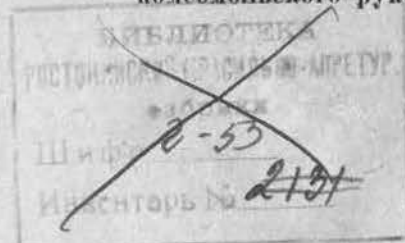
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Л. ГЛАЗОВ и М. МАРКО

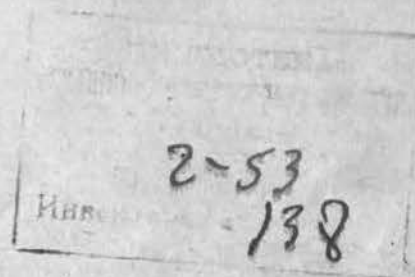
E18
1281

СИГНАЛ ИЗ ТВЕРИ

Итоги смотра тверского
комсомольского руководства

88

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	3
Введение	5
Тверь, как таковая	7
Размычка — главная болезнь	9
Как пахнет жизнь	12
Призывные огни	19
Вот они, новые формы	26
Оторванные от масс	27
На разных языках	29
Организационная шелуха	33
Инициатива в кандалах	36
Комбинаторство вместо революционного руководства	41
Идеология размычки	46
Самокритика — система работы	49
Искусство слушать массы	51
Мало слушать, надо действовать	52
Ходатай или организатор?	55
Куда везет велосипед	59
На высшую ступень большевистской квалификации	62

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

К сигналу, раздавшемуся из Твери, должны прислушаться весь комсомол и в первую голову его руководящие кадры. Этот сигнал несомненно будет услышан и предстоящим пленумом ЦК, который должен стать переломным в смысле энергичного изменения, а где надо и решительной ломки старой системы работы. *Общественное значение, глубочайший смысл смотра тверской организации, проводимого Центральным Комитетом и „Комсомольской Правдой“, заключается в том, что он убедительно, на основе большого фактического материала продемонстрировал перед лицом всего союза полную непригодность старой системы работы и руководства к осуществлению новых задач. Скажем прямо: смотр продемонстрировал крушение старой системы руководства.*

Некоторые товарищи пытаются зачислить тверское руководство, — ошибки, изъяды и недочеты которого были довольно полно освещены на страницах „Комсомольской Правды“, — по штату „гнильников“, вскрываемых нами. Это не верно. Этот внешне радикальный жест на самом деле представляет собой попытку отмахнуться от принципиального значения и общественного смысла тверского смотра.

В Твери никакого „гнильника“ не было. У руля тверской организации стояли в большинстве своем честные и преданные революции комсомольцы. Но эти товарищи не смогли твердо держать руль в руках. Они были во власти старых организационных форм, старой системы работы. *Поэтому они плыли по течению. И течение сносило их в сторону от генеральной линии комсомола, в сторону от масс, от того, чем живут и волнуются эти массы. Их заела старая система работы. Передаточный механизм от низовой ячейки к райкому, от райкома к губкому заржавел, работал с большими перебоями и с огромнейшим отставанием. Устоявшиеся, привычные для глаза организационные формы не были заполнены действительным революционным содержанием. Вместо живого, энергичного, ориентирующегося на массу руководства господствовали организационная суетня и безжизненная циркулярщина. По внешности вся комсомольская машина работала бесперебойно. Члены бюро бежали с заседания на заседание, с комиссии на комиссию, писали циркуляры, составляли „оперпланы“, согласовывали вопросы, делали доклады. Но машина работала на холостом ходу. Колесики большого комсомольского механизма буксовали, не зацепившись за подлинные интересы и запросы масс. И стоило смотровой комиссии навести на всю эту организационную суетню прожектор обследования, чтобы большие внутренние изъяды системы работы выступили зияющими провалами. На примере Твери старая система работы и руководства обнаружила свою полную непригодность и неспособность. В этом — смысл сигнала, раздавшегося из Твери. Повторяем, что сигнал должен быть услышан всем союзом, ибо тверская организация во многом приближается к среднему уровню наших организаций.*

Основной вывод, который мы делаем из тверского смотра, заключается в следующем: в области перехода к новым формам и методам работы нами сделаны только первые шаги. Решения VIII съезда комсомола об изменении системы работы и об организационной перестройке союза выполняются нами очень вяло. Успехи наши в этом отношении явно недостаточны. *Задача организационной перестройки союза, изменение форм и методов работы поспешному, и даже больше чем прежде, должны стоять в центре внимания всего комсомола.*

821042

VIII съезд дал не только общую директиву — менять систему работы. Он конкретно наметил основные линии новой системы, которая должна прийти на смену старой. Отмечая достижения комсомола в области социалистического строительства, VIII съезд в резолюции по докладу Центрального Комитета сказал: „Этот успех достигнут благодаря применению таких форм работы, которые содействуют объединению комсомольцев и рабочей молодежи вокруг конкретных задач социалистического строительства, на основе добровольчества, инициативы и самостоятельности (любители-организаторы, бытовые ядра, рационализаторские группы, ударные бригады на производстве, производственные конкурсы и т. д.). Только идя по этому пути, союз сумеет вовлечь массу трудящейся молодежи во все отрасли социалистического строительства и разрешить больные вопросы союзной жизни... Крупнейшим препятствием на пути перехода союза к новым формам и методам работы является наличие в руководящем аппарате и активе союза косности, рутины и бюрократизма“.

Стоит только сравнить эти выдержки из резолюции VIII съезда с методами и формами работы, практиковавшимися в тверской организации и освещенными в „Комсомольской Правде“, чтобы отчетливо представить себе основную причину огромнейшего отставания тверского руководства. Вопреки решениям VIII съезда комсомола руководители тверской организации не пошли по пути изменения системы работы, по пути „объединения комсомольцев и рабочей молодежи вокруг конкретных задач социалистического строительства, на основе добровольчества, инициативы и самостоятельности“. А работать старыми методами в нынешний период гигантского усложнения наших задач и повышения запросов рабочей молодежи невозможно. Отсюда, из консервирования старых форм и методов работы, выросли важнейшие изъязвы и недочеты тверского руководства: отрыв от масс, неумение зацепиться за волнующие молодежь вопросы, тяжеловесность и неповоротливость союзного аппарата и т. д.

Сквозь старую рутину в Твери пробивались кое-где ростки новых форм. Но там, то здесь вспыхивали призывные огоньки инициативных групп, — все это было, но все это было вне системы общей работы, так сказать, за оградой комсомольской организации.

Пожалуй, наиболее характерная черта тверской организации заключалась в том, что там произошла полная размычка между комсомольским аппаратом — губкомом, райкома, многочисленными представителями, — работавшим по-старому, и действительно новыми формами работы, основанными на инициативе и самостоятельности и стихийно возникавшими внизу. Неумение охватить своим руководством эти инициативные группы, идти по пути оформления их в новую систему работы, начать на базе этих рождающихся внизу инициативных групп перестройку комсомольского аппарата — важнейший грех тверских руководителей. Скажем прямо: *тверское руководство тихо саботировало важнейшие решения VIII съезда об изменении системы работы и перестройке союзного аппарата. Расплачивалась же за это вся организация.*

Общая вялость, наблюдающаяся в организации, отрыв от масс, организационная суетня вместо большевистского напора, организационная шелуха вместо твердых и четких организационных форм, худосочие руководства, плохая сцепка различных звеньев организаций — все это было следствием консервирования старой, изжившей себя системы.

Смотр тверской организации ставит в упор перед всем союзом, перед каждым комитетом комсомола вопрос о быстрой смене старых форм и методов работы новыми, о напряженной и энергичной работе над изменением старой системы и перестройкой союзного аппарата.

В этом — глубочайший смысл сигнала, раздавшегося в Твери.

Передовая „Комсомольской Правды“.

Введение

История с каждым годом ставит перед комсомолом все более сложные и ответственные задачи. Реконструкция народного хозяйства, нарастающая культурная революция, весь огромный механизм стройки социалистического общества ежедневно втягивают новые пласты молодежи и настоятельно требуют от нас, чтобы мы эти пласты переваривали, коммунистически воспитывали и давали революции новые кадры закаленных и дельных работников.

С этими задачами мы не всегда и не везде удовлетворительно справляемся. Революционное недовольство масс многочисленными прорехами наших будней мы не всегда умеем переключить в положительную работу. Законную неудовлетворенность сегодняшним днем, органическое стремление к лучшему будущему мы не всегда умеем направить в русло действительной борьбы с нашими недостатками. Развернутым фронтом перед нами стоят классовые враги и внутренние болезни. Перед нами стоит толща бескультурья и косности, пьянство, хулиганство, обывательщина, прогулы, бюрократизм. Кое-где эти враги переходят в наступление, кое-где они сильнее комсомольской организации. Это бывает там, где комсомол не может или не умеет организовать массы для революционного отпора врагу, для победы над ним. Там дни ячейки превращаются в повальное безделье, списки ячеек наполняются «мертвыми душами».

У нас часто очень поверхностно понимают историческую «революцию о комсомоле», принятую XIV съездом нашей партии.

«... Увязка личного и группового интереса с интересами целого класса... есть центральная проблема в постановке всей работы комсомола...»

«... Между тем... пропаганда и агитация, порядок дня и повседневная работа ячеек не увязаны в достаточной мере с потребностями растущего стремления к материальному благосостоянию: связь между личным и общественным не стоит в центре работы; приемы и методы работы не соответствуют росту актив-

ности. Привести все это в связь и соподчинить общим задачам революционного социалистического строительства—такова главная директива работникам комсомола...»

Эту директиву у нас обычно понимают как работу в области общих запросов молодежи, указанных той же резолюцией XIV партс'езда.

Такой работой часто дело и ограничивается. Ячейка рассматривает молодежь только на собраниях и не учитывает ее повседневных настроений и интересов. Все, что не написано о запросах молодежи в резолюциях с'ездов, выпадает из поля зрения ячейки, и повседневная жизнь, повседневные интересы молодежи идут мимо комсомола.

Проверить соответствие руководства не только общим запросам, но и настроениям молодежи может только широко развернутая низовая самокритика.

Смотр был мобилизацией такой массовой самокритики. Эту мобилизацию обеспечила вся установка смотра. Задача смотра состояла в проверке руководства на его конкретных результатах внизу, оценке руководства по тому, что о нем скажут массы.

Нужно было проверить каналы, по которым идет критика от массы к руководству, надо было выяснить: много ли на пути этой критики бюрократических шлагбаумов?

Через органы партийной и комсомольской печати вся губ-организация была широко оповещена о смотре. На больших предприятиях были организованы из местных комсомольцев тройки содействия смотру. Нужно было организовать дело так, чтобы к массе было обращено как можно больше глаз и ушей. Для наиболее полного впитывания низовой критики нужно было создать систему приемных трубок, широко разветвленную по цехам и казармам.

В течение почти двух месяцев смотровая комиссия непосредственно организовала на предприятиях Твери свыше тридцати собраний. Собрания были без повестки дня. Смотровые работники приходили к ребятам и говорили им простую истину:

— Комсомол существует затем, чтобы помогать вам лучше, культурнее и содержательнее жить. Комсомол существует для того, чтобы на удовлетворении ваших нужд воспитывать из вас строителей социализма, сделать из вас новых людей!

— Давайте поговорим о том, как у вас комсомол с этой задачей справляется, как он помогает вам жить и работать! Расскажите о вашей жизни, расскажите о вашей ячейке. Что вас больше всего волнует и интересует?

Начались богатые, необычайно живые прения.

Глубоко и серьезно говорили о делах своего предприятия, своей казармы. Созывались небольшие собрания отдельных групп молодежи, объединенных общими условиями производства и быта, собирались слесаря, чернорабочие, прядильщицы, соби-

рались комсомольцы, живущие в одной и той же казарме. И на таких интимных товарищеских беседах выливалось то, о чем не говорилось на общезачерковых собраниях; выливалось все, с чем рабочие ребята ежедневно сталкиваются в своих производственных и бытовых буднях.

Этим делам рабочей молодежи, показу ее лица посвящен первый раздел настоящей брошюры.

Смотровые собрания выявили не только интересы рабочей молодежи. Они показали и характер тверского руководства.

Второй раздел брошюры описывает то состояние тверского руководства, в каком его застал смотр.

Тверская действительность дала рядом с отрицательными и положительные материалы. Ясно обрисовались ростки нового в толще рабочей молодежи. В процессе смотровой работы обрисовались контуры организационной перестройки тверского комсомола. Накопился некоторый опыт работы по-новому.

Обобщению положительных материалов смотра посвящена заключительная часть брошюры.

Смотр, как новый метод руководства, выполняет две задачи: во-первых, мобилизуемая им низовая массовая критика исправляет недостатки организации, которая подвергнута просмотру;

во-вторых, благодаря широкой гласности смотровой работы, благодаря широкому освещению в местной и центральной («Комсомольская Правда») печати всех смотровых материалов смотр делается методом перенесения опыта союзной работы на все организации комсомола.

В последнее время смотр, как новый метод руководства, приобретает все большее и большее значение. Пленум тверского губкома постановил проводить смотры в уездах. Многие союзные газеты проводят смотры отдельных комсомольских организаций. Именно поэтому нужно было выпустить книгу, посвященную тверскому смотру.

★

Тверь, как таковая

Почему смотр начали проводить именно в Твери? Отчасти, пожалуй, потому, что этот город расположен всего в 150 километрах от Москвы и туда можно попасть после трех часов езды по Октябрьской железной дороге. До Твери скорее всего должно было доходить все новое из Москвы. Тверь раньше другой организации должна бы использовать обобщаемый в Москве всесоюзный опыт. Но самое главное то, что тверской комсомол—рядовая типичная организация, условия которой в большей или меньшей степени характерны для всех организаций союза. Тверь—губернский город центрально-промышленного района. Рядом с массами

крестьянской молодежи губернская организация имеет большие пролетарские кадры. В металлообрабатывающей, стекольной, кожевенной, лесной и особенно текстильной промышленности Тверской губернии есть ряд крупных предприятий всеобщего значения, на которых работают большие группы рабочего молодняка.

* * *

От вокзала Октябрьской дороги к центру города надо полчаса ехать в маленьком вагончике тверского трамвая. Говорят, что он — старейший в Советском Союзе. Мимо маленьких домиков, складов и пустырей узкая трамвайная колея тянется к Советской площади, вблизи которой расположены губернские учреждения. Тверь не может похвастаться красотой своих зданий и качеством своих мостовых. Город, вернее, его центральная часть, не оставляет сколько-нибудь ярких впечатлений. Он никогда не был особенно знаменит ни обширностью торговли, ни музеями, ни университетами, ни театрами.

Интересы города группируются вокруг его фабрик и заводов, вокруг рабочих поселков, хлопка, льна и закоптелых, высоких труб, струями едкого угольного дыма разрисовывающих небо тверских предместий.

В Твери 130.000 жителей. Больше четверти этого количества непосредственно занято в фабрично-заводском производстве.

Вместе с своими семьями промышленные рабочие Твери насчитывают 80.000 человек. Этот мощный пролетарский пласт — самое интересное и яркое в тверской действительности.

От центра города, от массивного памятника Ленину, трамвайные вагончики и превосходные новые автобусы (гордость города) курсируют на «Пролетарку» и на «Вагонный». Человек, идущий по улице Твери, слышит эти слова через каждые две-три минуты. Это названия крупнейших тверских предприятий, расположенных в фабричном районе города — «фабрайоне».

Фабрайон — море маленьких домиков рабочих поселков с затейливыми названиями в роде «Плюшкиного болота» и «Грабиловка». Рядом с домиками поселков громоздятся фабричные корпуса и многоэтажные рабочие казармы.

Среди предприятий фабрайона самое крупное — «Пролетарская мануфактура», когда-то собственность известного Саввы Морозова. На прядильной, ткацкой, ситце-набивной фабрике и крупном механическом заводе, объединяемых ею, работает свыше 18.000 рабочих. Фабрики выпускают на рынок миллионы метров хлопчато-бумажных тканей.

Недалеко от «Пролетарки» день и ночь шумят станки ткацко-прядильной фабрики «имени Вагжанова». Станки работают круглые сутки, в три смены. Вагжановские текстильщики первые в Союзе перешли на семичасовой рабочий день.

В 1924 году заработал стоявший «на консервации» Вагонный завод, выпускающий теперь большегрузные, четырехосные товарные вагоны.

Кроме этих гигантов, есть фабрики и заводы поменьше, в которых количество рабочих не превышает тысячи: госмельница, «Переволока» — прядильная фабрика, механический и сталелитейный завод «1 мая» и ряд других предприятий.

Тверь славна своими революционными традициями. Поколения потомственных пролетариев, работающих на ее предприятиях, создали большевистскую организацию у истоков зарождения партии.

В Твери старая и большая комсомольская организация, немало сделавшая за десять лет своего существования.

Таков общий фон, на котором развернулся смотр.

★

Размычка — главная болезнь

Жизнь разворотила наш комсомольский муравейник камнями всяких «дел». Сочинские и артемовские гнойники, Центрально-городской район, десятки взрывов большого и малого значения крепко расшевелили союзную мысль.

Комсомольский улей напряженно и мощно гудит. Рождаются идеи и проекты. Страницы союзных газет пестрят предложениями. Из портфелей и карманов извлекаются дюжины рецептов.

Предписание рецепта прежде всего предполагает постановку верного диагноза. Есть ли у нас сейчас в союзе четкое и ясное определение внутрисоюзных недостатков, есть ли у нас правильный, усвоенный массами, обобщенный диагноз?

В один и тот же день мы поставили перед четырьмя комсомольскими активистами вопрос: в чем сейчас главная болезнь союза?

Первый ответил: — Мы не умеем дело делать.

Другой сказал: — Мы не научились пробуждать и организовывать инициативу масс.

— Мы фетишизируем форму, — сообщил нам третий.

— Мы не осуществляем решений VIII съезда, — заявил четвертый.

Каждый из них, конечно, по-своему прав. Но все эти характеристики имеют два недостатка.

Они, во-первых, оценивают только состояние руководства и ничего не говорят о состоянии масс при сегодняшнем руководстве. Во-вторых, и в самом руководстве они подмечают только часть болезней, следствие, а не первопричину. Еще разнообразнее ответили серпуховские активисты. На пленуме серпуховского укома в ответ на этот же вопрос они подали 25 записок,

из которых каждая указывала на особую болезнь, совершенно не похожую на те, которые были указаны в других записках.

Такая разногласия слышится со всех сторон. У масс комсомольцев нет цельной, основанной на их жизненном опыте обобщающей формулировки внутрисююзных бед, ослабляющих революционную дееспособность нашей организации.

Но нужна ли нам теперь такая обобщенная формулировка и возможна ли она? В союзной атмосфере кое-где носят требования:

— Довольно, хватит критики, мы уже разругали все и вся! Давайте дело делать!

Ретивые деятели подхватывают эту мысль и, считая, что им все «ясно, как апельсин», начинают носиться с рецептами... Такое легковесное их обращение с критикой заранее обрекает их рецепты на провал. От критики так легко отделываться нельзя. Между ней и перестройкой руководства вредно возводить китайскую стену.

Критика наша не может быть действенной, если мы не создали единого представления о наших недостатках, если мы не договорились, в какое место направлять огонь. Критика не может быть действенной, если к больному месту не приковано внимание масс.

Америку открывать мы не должны, потому что старая «Америка», десятки раз открытая нашими съездами, еще не стала достоянием масс и поэтому не превратилась в революционную силу, в орудие перестройки союза.

Организационная основа наших недостатков заключается в размычке между руководством и массами. Эта характеристика охватывает не только руководство, но и массы при данном руководстве. Это — состояние масс, очень часто предоставленных самим себе, без серьезного воздействия нашей организации.

О размычке между массами и руководством написано в десятках резолюций, но наличие этого пункта в резолюциях не отражает действительного понимания вещей массой союзного актива. Попробуйте сказать секретарю цеховой ячейки, что он в своей работе оторван от молодежи. Вы получите обиженную «отповедь».

— Как я могу оторваться от массы? Ведь я же с ней вместе живу, я с ней ежеминутно сталкиваюсь...

И такое убеждение распространено не только среди низового актива. И оно тем более опасно потому, что размычка начинается как раз внизу, в ячейке, на первой и важнейшей ступени соприкосновения руководства с массой.

Для нас не ново услышать, что ячейка занималась обсуждением международного положения в то время, как на предприятии разгорался крупный конфликт в связи, скажем, с рационали-

зацией. Ячейка будет, конечно, заниматься рационализацией, но уже после конфликта, в порядке выполнения какого-нибудь «оперплана». Большое массовое настроение пройдет мимо комсомола, не будет им включено в дело строительства.

Для нас не ново, что вопросы на собраниях ставятся в «общей» форме, что ребята не идут в ячейку разговаривать о нуждах и волнениях, что работа комитетов непонятна и чужда рядовым членам, что руководители и низы разговаривают на разных языках. Можно напомнить множество подобных примеров.

Размычка между массами и руководством станет яснее, если движение руководства и движение масс схематически изобразить в виде двух параллельно идущих линий.

Линия настроений масс не прямая, а извилистая, колеблющаяся соответственно условиям времени и места, в которых массы живут. А идущая параллельно движению молодежи линия союзного руководства не гибкая, не эластичная, не умеет в каждый отдельный момент улавливать извилины масс и направлять их настроение.

Благодаря общей правильной линии у нас всегда много точек соприкосновения с массой. Но ее настроения часто отводят ее в сторону от нашего руководства, и образуется прогиб, пустое место — размычка.

О размерах размычки между руководством и массой можно, конечно, спорить. Безусловно, размычка у нас только частичная. Но бесспорно и то, что именно в ней корень зла.

Повсюду, где живая струя жизни не освежает постоянно артерий аппарата, где нет гарантии массового пролетарского контроля, организм руководства костенеет, перерождается, на нем, как и на всяком худосочном теле, появляются гноиники. Обескровленный аппарат ищет поддержки в организационной шелухе, ищет исхода в фетишизированной форме. Организм слабеет, теряет революционную целеустремленность, начинается беспринципное комбинаторство.

С потерей крепкого пролетарского руководства расплывается революционное лицо массы, — предоставленная самой себе, она блуждает по неверным путям. Там, где революционное взаимодействие класса и авангарда ослаблено, появляется пассивность к общественной жизни, «мертвые души», сохраняется бытовое разложение отдельных клеточек организма, пьянка, хулиганство, мешанство и т. д.

Таковы результаты главной болезни, именуемой «комсомольской размычкой». Картину этой размычки нарисовала низовая самокритика, организованная тверским смотром. Ее симптомы ясно обнаружались и на состоянии тверского руководства, и на состоянии массы. Мы начнем с разбора состояния массы, недостаточно сомкнутой с руководством.

Как пахнет жизнь

Утром гудки призывают тверских пролетариев к труду. Свыше семи тысяч молодых рабочих и работниц фабрайона проводят свой рабочий день у банкоброшей, ткацких станков, вагранок и тисок. А потом наступает то «свободное время», которое молодые рабочие и работницы используют своеобразно условиям, своей природе и своим вкусам.

Выйдите в летний вечер в сад «Пролетарки» и вы увидите ребят, из которых каждый наделен своими особыми качествами и свойствами, каждый чем-то живет и интересуется, каждый по-своему активен и по-своему стремится к культуре, к лучшему. Внимательно всмотритесь в них, и вы увидите, как ребята сами ищут исход для своей энергии. Одни играют в шахматы, другие заседают в какой-то комиссии; третьи читают; четвертые занимаются в спорт-кружке; пятые замыкаются в свой радио-приемник; шестые толкуются у киношек, подхватывают худшие образцы буржуазно-обывательской культуры и начинают «пижониться» и изучать фокстроты; седьмые наконец используют свою энергию на выбивание зубов прохожим.

Лицо этих ребят, лицо будней цехов и казарм, лицо рабочей молодежи Твери мы постараемся показать читателю на нескольких конкретных примерах.

Не включенные в комсомольскую трансмиссию

Во время своей работы смотровая комиссия столкнулась с рядом интереснейших ребят-производственников. Некоторые из них крепко запоминаются.

Лисицын

С первого же взгляда он поражает своей монолитностью. Все в нем цельно: и внешняя форма, и внутреннее содержание. Его низкая, плотная, мускулистая фигура, его спокойное, монгольского типа лицо дышит силой. Он — бывший спортсмен и, как всякий хороший спортсмен, хладнокровен и уравновешен. В прошлом году он занял первое место на гребных соревнованиях.

Лисицын — рабочий ситцевой фабрики «Пролетарка». Рабочий высокой квалификации.

— Я поставил своей целью изучить производство, понять его, стать в нем хозяином, — говорит Лисицын. — И я уверен, что добьюсь этого, — добавляет он.

Лисицын любит производство. И так же, как каждый станок тесно связан в цепи производства с другими станками, так и комсомолец Лисицын самой своей природой тесно «увязан» в цепь

общественной жизни. У Лисицына большое чувство коллективности.

Просто и правдиво Лисицын рассказывает о том, как он учился. Его товарищи спотыкались на пути учебы, падали, отставали. Лисицын их поддерживал. О его глубокой общественности говорит один маленький случай.

Лисицын — рабкор. Он пишет в «Тверскую Правду». И вот однажды рабочие ближайшего поселка пришли к нему жаловаться. Рассказали, что около кооператива грязно, а около частного сухо. Рассказали о темноте на улице и о фонаре, который нужен в поселке. Просили Лисицына притти в 12 часов, посмотреть и написать. И в проливной дождь Лисицын пошел в поселок, посмотрел и написал.

Этот человек, этот настоящий сознательный хозяин, в комсомольскую машину не включен.

Строганов

Худощавый, с продолговатым лицом и страшно напряженным нервным взглядом.

Он пришел к нам на квартиру и спросил работников смотровой комиссии.

— Я хочу поговорить с вами о всей моей жизни... — тихо сказал он.

Строганов работает вместе со своим отцом на «Пролетарке». Отец, нормальный и трезвый человек в цеху, домой приходит обязательно пьяным. Водка наполняет его ненавистью ко всему живому. Он жестоко бьет свою семью, скандалит, дебоширит. И так изо дня в день.

Строганов живет с отцом в одной квартире. Отец загнал его с женой и ребенком в темную комнатку. Ребенок слепнет в темноте. Доктор сказал, что, если ребенка не поместят в светлую комнату, то он окончательно потеряет зрение.

У Строганова нарастает крупная семейная драма.

— Я все это понимаю, — говорит Строганов. — Я с ума схожу. Я уже начинаю пить. Жена жалуется и тоже страдает... И не с кем слова сказать! Ну, как в такой обстановке быть активным?

И все же Строганов активен. Он комсомолец с 18-го или 19-го года. Он — один из немногих, крепко и горячо интересующихся делами ячейки. Он большой и сознательный организатор, у него долгодетная общественная закалка.

Дома у него пьяный зверь и слепнущий ребенок. Но все же в своей 86-й казарме Строганов организовал библиотеку, организовал шахматный турнир. И вот, когда он пришел в культком профсоюза и попросил включить шахматистов казармы в общий шахматный профсоюзный турнир, ему ответили:

— Как же мы можем это сделать? Ведь вы же «дикие»! Вы же организовались без надлежащей увязки с нами!..

Трагедия Строганова не только в его семейной обстановке. Трагедия в руководителях, которые должны были помочь ему скрасить неприветливую и суровую жизнь...

Кокин

Широкую палубу корабля Кокин менял на узкое кавалерийское седло, книжку рабфаковца — на связку ключей надзирателя исправдома, ресконтро конторщика — на заплечную сумку туриста.

Парень из его ячейки, улыбаясь, говорит:

— Только женщиной Кокин у нас не был, а так всем был, ко всему стремился.

Горячий, быстро воспламеняющийся Михаил Кокин — человек, преисполненный энергии, энтузиазма.

Он частенько работает впустую и, не разобравшись своим умом и, несомненно, честным сердцем, попадает впросак.

Ему больно, что «старшого» Комарова, которого он считает неправильным человеком, приняли в партию.

Из Кокина делать святого не надо. Он не в малом грешен.

Кокин сгоряча может пить водку, бузотерить на собрании, вначале правильно, а к концу преувеличить, «потрясать основы», — но вся его горячность «внеплановая», взбалмошна.

Кокин может стать настоящим коммунистом. Он продолжает вгрызаться молодыми зубами в плохое, негодное, но бывает, что он, если его кто-нибудь во время гневной деловой речи оборвет резко, стушется, — и уже нет Кокина, которого не любят, не терпят подхалимы, степенные и тихие люди — нейтралы.

Лицо Кокина сереет, глаза становятся растерянными, и Кокин уходит в сторону, в угол.

Кокина не слушают, как и многих других ребят, и его энергия подчас расходуется уродливо, нелепо.

Кокин это прекрасно понимает. Об этом свидетельствуют его слова:

— Нас обволакивают людишки.

Такие слова взвешены, проверены на печальном опыте дерзаний и устремлений Кокиных, к которым комсомольские комитеты, бюро ячеек, актив бывают непростительно глухи.

Смазнов

Старший инструктор ФЗУ хлопал, бывало, его по плечу.

— Ну, Смазнов, сегодня в роде получки, брат!..

И у очереди в кассу он поджидал Смазнова.

— Ну, получил деньги? Теперь пойдем, выпьем!

И Смазнов должен был угощать инструктора водкой. Нельзя иначе, — такой порядок. Не угостишь, — не переведет тебя в высший разряд, учить не будет, свинью подложит.

В школе ФЗУ мы видели книгу ученических достижений. Смазнов по ней значится одним из лучших. По всем предметам он шел впереди, и особенно по производственной практике. Его готовили в ткацкие подмастерья.

Запоздал ли Смазнов своевременно поставить очередную выпивку или еще чем не угодил старшему инструктору, но только по прихоти старого пьяницы Смазнов вместо подмастерья был выпущен простым ткачом. Парень с большими знаниями и техническими способностями оказался не у дел. И запил... Его уволили с фабрики.

Сейчас Смазнов безработный. Но, несмотря на это, он старается не опускаться. Он имеет крепкую зацепку в жизни.

Смазнов — прекрасный физкультурник. Смазнов — «физкультурный вождь» с огромной популярностью и авторитетом. Он не нервничает, не воспаляется. О делах стадиона он рассказывает спокойно и просто.

— Я один мог бы привести на спорт-площадку 200 человек. Со спортом можно было бы большие дела наделать. А с нами не считаются, на спорт-площадке нам не дают ставить дело спорта. Нас самих превращают из физкультурников в узких спецов-спортсменов. Готовят нас для демонстраций и вечеров...

Смазнов сожалеет. И он мог бы дальше делать это дело. Он мог бы много делать.

Но он один в своих возможностях. Ибо на спорт-площадке с ним не считаются.

Васильева

Здоровая, цветущая, с тяжелыми белокурыми косами, живым лицом, — такова молодая ткачиха Васильева.

Она переживает хорошую пору. Она полна кипучей энергии. Но она еще очень не организованная натура.

Комсомольцы ее ячейки (Васильева — агитпроп комсомольского комплекта на ткацкой «Пролетарке») отзываются о ней без особого уважения.

— Она очень здорово кричит и мечется. Командует много, а работы ее не видно...

И сначала может показаться, что Васильева в самом деле плохой работник. Она любит много смеяться, тараторить, спорить. Это она выступила в защиту приданого на комсомольском собрании.

Васильевы могут быть очень активны, если затронуть их интересы. Надо отыскать их и попасть в точку.

Мы предложили ей:

— Послушай, Васильева, организуй обсуждение вопроса о приданом.

И Васильева, на собрании проявившая большой интерес к вопросу о приданом, стала великолепным организатором. Не

прошло и недели, как она организовала массовую дискуссию, приковавшую к себе внимание всех рабочих. Сделала большое воспитательное дело.

Надо попасть в точку...

Беляков

Спросите у рабочих механического завода о Белякове. И старый литейщик и молодой подручный сделают значительное лицо:

— О! Беляков — башка! Хороший, дельный парень...

Белякова знают все на заводе. Все доверяют ему, все любят его за отзывчивость, за «артельность». Беляков один из организаторов спорта в Твери. Беляков один из лучших организаторов нашей смотровой работы в фабрайоне. Он собрал массу корреспонденций о смотре. Он организовал беседу со взрослыми рабочими о молодежи. В нем вообще сразу чувствуется большой организатор.

Беляков заместитель председателя первой ячейки «Автодора» в фабрайоне. Около этого дела он организовал группу ребят, интересующихся авто-делом и любящих его. Ребята самостоятельно отремонтировали два автомобиля. Затеяли организацию курсов шоферов, и пятьдесят ребят решили сделать складчину по 20 руб. с человека на оплату инструктора. К нам Беляков пришел жаловаться на бюрократизм профобра, тормозящего дело.

Беляков — комсомолец-партиец, но его любимое дело стояло в стороне от комсомола: «Автодором» ячейки «Пролетарски» не занимались.

На одном из собраний

О своих делах рабочая молодежь Твери впервые сказала смотрю на сменном собрании рабочей молодежи ткацкой фабрики «Пролетарки», состоявшемся 3 августа.

За каких-нибудь два часа ораторами были подняты вопросы, разрешение которых потребует много времени, упорства и охоты.

Повестка дня из четырех вопросов была сведена к одному большому и основному вопросу, что работать «по старой методе» нельзя. Надо перестроиться, переключить себя на новые, творческие пути.

Ораторские выступления не отличались красотой, блеском изложения, но каждое брошенное из рядов «прошу слова» было насыщено фактами и критикой.

Ребята подходили к столу и выкладывали свои заветные мысли, притаившуюся печаль, боль и «упование свое» на будущее.

Первым попросил слово комсомолец Калинин, которому надо было уйти на работу. Мерилом искренности его слов было волнение, мешавшее ему говорить.

— Мне надо идти на работу. Нас всех сильно волнует наша судьба. Бывает, что ребята на первом разряде сидят по два, три и даже четыре года — и ни с места. Давайте свободные места по цехам. Нельзя же солить нас! Большая работа предстоит нам, а работает у нас актив. Рядовик грешный только смотрит, как работают другие. Большие ненормальности наблюдаются в работе ячейки, большие ненормальности.

На этом Калинин кончил, и вслед за ним, опершись о край стола, стала говорить ткачиха Васильева. Здесь то же волнение, повышенный голос и боль, боль за плохую работу, укор за невыполнение щедрых планов летней работы ячейки:

— Надо погромче сказать о себе, и не только актив тогда будет иметь работу, но и рядовики. Хочу сказать о себе. Жила я в квартире, где со мной жили 14 богомольных старушек. Они жить мне, комсомолке, не давали. Травили. Стало невмоготу. Работа стопорилась, ничего не шло в голову, а старушечки продолжали точить меня. Пошла в общезаводское бюро и сказала, что невозможно жить среди икон, ладана и старых ехиден. Создали комиссию. Пришел ко мне член комиссии, посмотрел и согласился с тем, что жить здесь невозможно. Пообещали перевести меня на другую квартиру. Пообещали только. Прошло много, много недель, а старушки мои язвят, точат, шепелявят: «Может, всю «Пролетарку» позовешь? Ну, и девоньки пошли теперь!»

Снова обратилась в общезаводское бюро, мне обещали еще одну комиссию, но сама через жилотдел добилась перемены.

— У нас в цехе есть свои художники, дайте им себя показать. Артисты, певцы, живописцы и музыканты. Привлечь их надо!

— Мы плохо отдыхаем. Хорошо было ребятам, уехавшим отдыхать в лагеря, а многим ведь пришлось проводить свой отдых здесь, в казарме. И часто вечером можно было слышать на улицах рев гармошек и похабные песни, распеваемые молодежью.

Представитель в фабком от молодежи, тов. Боброва, рассказала о том, как тяжело работать в фабкоме, когда на законное требование осылке на учебу человека, заслужившего командировку, слышишь ответ, достойный огласки и удивления:

— Кого хотим, того и посылаем!

Обратила внимание собравшихся на то, что старые комсомолки выходят из союза, объясняя тем, что им скучно в ячейке и что с молодыми комсомолками они никак не могут сдружиться. Некоторые выбывают после того, как выходят замуж, и на вопросы о причине ухода говорят:

— Будешь иметь ребенка, сама выступишь и начнешь нянчиться с ним.

На это у нас не обращают внимания, а следовало бы задуматься над тем, как оттянуть от корыта, примуса и пеленок молодую мать.

Далее Боброва говорила о том, что есть такие активисты, которым дорог семейный уют, горячий суп, покой и чистота и которые не замечают или не хотят заметить, что все это дается жене и матери потерей общественных навыков, отрывом от живых дел, от коллектива.

Таких много. От шумной, творческой жизни они уходят (многие сожалеют об этом) в скорлупу семейных дел, — и все хорошее, комсомольское гаснет в них.

Балалайкина Маша, говоря о производственных совещаниях, усмехнулась и рассказала, как насмешливо, враждебно относятся к предложениям молодежи. Обычно можно слышать:

— Молокососы, что вы понимаете?!

Но на следующих собраниях эти же предложения выдвигают взрослые, не моргнув даже бровью. Ее предложение о вентиляторе уже полгода разбирается, а работницам приходится дышать паром.

Мастер Остапов плохо обращается не только с молодежью, но и со взрослыми рабочими.

Ровные и степенные слова старой партийки Борисовой, по-матерински пожурившей секретаря ячейки — Катю Дернову, были кстати, и она возвратилась к вековой женской долюшке, поделилась с собранием о разговоре своем с комсомольцем Вережкиным: спросила его, «почему не видно его жены на собраниях».

Тот поспешил ответить:

— И без нас обойдутся.

— Я — старая и хожу на собрания, а молодуха подавно может ходить.

Золина рассказала, как ячейка и фабзавком не могут организовать отдых молодежи. В большие церковные праздники беспартийная молодежь идет в церковь, хотя боится, что ее могут «пропечатать в газете». Но заманчивые огни, пышность богослужений и, главное, возможность повеселиться, завязать знакомство тянет их к паперти.

«Комсомольская пасха и рождество» прошли слабо.

— Нам, девушкам, очень тяжело. Я кандидатка в члены бюро коллектива. Недавно принесла корыто в прачечную. Думала, займусь стиркой белья после работы. Собралась. Вдруг сообщают: сегодня надо быть на заседании бюро. Я корыто поставила, белье ждет. Как быть?

— Тут говорили о Вережкине. Это что? Комсомолка Усанова вышла замуж за секретаря райкома Гусева. И когда она родила ребенка, он снял ее с работы.

— На конференции девушек Гусев говорил о равенстве, а когда наши девушки ему напомнили о собственной жене, о том, что она теперь «по независящим от нее обстоятельствам» вне комсомола, он ответил, что жена его больна туберкулезом.

— Не понимаю, — говорит, смеясь, Золина, — как это можно болеть туберкулезом и в то же время возиться с ребенком. Нянька тем паче нужна.

О физкультуре, о слабой работе партприкрепленных, задающих два—три вопроса на собраниях, выкуривающих папиросы, — и только, о комсомольском коллективе, работающем на станках «Нортропах», о Малькове, которого надо обратно принять в комсомол, о Маркове, который каждому милиционеру тычет в нос свой горсоветовский билет, о том, что ячейка потеряла Маркова из виду, а он потерял ячейку, говорил Романов.

Многое было сказано. Среди десятка собраний ячейки это собрание показало, что масса, которую принято было считать пассивом, показала себя активом.

Для второй сменной ячейки собрание, состоявшееся 3 августа — памятная и многообещающая дата.

Призывные огни¹

Казармы

Во дворе фабрики «Пролетарка» расположено более десяти многоэтажных казарм. Тысячи рабочих живут здесь. Скучна и однообразна казарменная жизнь. Душная атмосфера, воздух насыщен гарью и вонью. В свободное от работы время, усевшись в коридоре, рабочие начинают играть в «козла». Другие где-нибудь в темном углу «режутся» в «двадцать одно». В азарте проигрывают не только деньги, но и утащенные из дома вещи. Над играющими повис густой мат. Без этого игра не в утеху. Так в будни.

В воскресные и праздничные дни, а особенно в дни полудек, карты сменяет сорокаградусная. Пьяные песни, скандалы, драки. Есть здесь «герои», не раз сидевшие за решеткой, наводящие ужас и панику в казармах.

Не раз просили рабочие выселить неисправимых хулиганов из казармы, но жилотдел остался глух к этим просьбам.

Весьма распространенным развлечением здесь является «орошение» помоями с верхнего этажа стоящих внизу.

С помоями связан и еще один казарменный обычай. Два раза в год работницы продают помои. На вырученные деньги закупается выпивка. Веселье идет во-всю! Поют похабные песни, дерутся, визжат. Все это в присутствии маленьких детей!

В 1923 году передовая часть молодежи вступила было в бой с морозовским наследием. Энергично взялись за переустройство быта, организовали различные кружки, выпускали стенгазеты,

¹ Настоящая глава составлена из корреспонденций тверских юнкоров в «Комсомольскую Правду».

боролись с хулиганством и матерщиной. Но никто не поддержал молодежи. Кучка энтузиастов оказалась бессильной. Огоньки нового, не успев разгореться, погасли.

И только в начале этого года райком КСМ созвал совещание комсомольцев, живущих в казармах. После этого в ряде казарм были созданы казарменные комитеты в составе комсомольской и беспартийной молодежи и взрослых рабочих.

Стали устраивать в казармах доклады. Два—три раза в месяц кино-сеансы. Почти во всех казармах заработали библиотечки-передвижки, которыми заправляла молодежь. «Козла» и «очко» начали вытеснять шашки и шахматы. Было даже проведено между казармами соревнование по игре в шашки. В 119-й казарме комсомольцем Улиным был организован драмкружок и выпускалась стенгазета. В 70-й казарме проводились экскурсии.

Ячейкой комсомола ситцевой фабрики совместно с фаб'ячейкой и фабкомом был проведен смотр самой большой казармы. Около месяца ребята работали там: проводили собрания, выпустили более восьми смотровых стенгазет.

Но самое важное — это создать опорные пункты в стенах самой казармы для наступления на темный грязный, пьяный и некультурный быт. Нужно было в каждой казарме иметь помещение, куда можно было бы поставить радио, принести газеты, где могли бы собираться и работать кружки. Нужны были красные уголки в казармах. Их не было. И, несмотря на их очевидную необходимость, РК комсомола не сумел добиться от жилотдела комнат, в которых красные уголки могли бы начать работу.

Комсомольцы-«коробейники»

Комсомолец Разоренов умирал от чахотки и не мог разносить и собирать книги по каморкам казармы № 14.

Любимое дело, ради которого он кончил специальные библиотечные курсы, он передал своему другу — комсомольцу Сабранскому.

Сабранский продолжает ревностно выполнять завещание своего друга. Ему удалось завербовать 68 постоянных читателей. Всего в казарме 108 каморок.

Понятно, что библиотечной подготовки покойного Разоренова у Сабранского нет, но у него есть личное желание, охота продолжать это дело.

Работа трудная. В центральной передвижной библиотеке многих книг, спрашиваемых читателями, нет, и Сабранскому приходится всячески изворачиваться. В каждую «книжную полочку» он выносит в коридор табуретку и начинает выдачу книг. В казарме его прозвали «коробейником».

Ячейка не осведомлена, что, помимо ячейковой нагрузки, у него есть своя добровольная и любимая нагрузка — раздавать книги

Химики в подпольи

Чудесная химия завлекла ребят.

Три комсомольца — Суворов, Арсеньев и Бобров — все свое свободное время уделяли ей.

Когда у Арсеньева родители уходят из дому, остальные товарищи приходят к нему, и работа закипает. Из разных уголков казарменной комнатухи достаются всевозможные химические реактивы: склянки с жидкостями разной окраски, колбы и т. д.

Моментально столовый стол превращается в химическую лабораторию. Но это не надолго. Надо сделать так, чтобы этого не заметили родители. И приходится свою работу скоро кончать.

Думали, думали ребята, как бы им найти «собачью конуру», чтобы там спокойно работать. И после долгих поисков им повезло...

Нашли пустующий балаган. Перебрались туда.

В летнее время заниматься еще можно было, но зимой никак — холодно. Ребятам приходилось некоторые реактивы таскать после каждого занятия домой.

Стали искать более удобное помещение.

В 14-й казарме пустовал подвал. Ребята осушили его немного, оклеили стены бумагой, а так как окон в подвале не было, то они незаметным образом присоединили к электросети свои провода, и в подвале появился электрический свет.

Здесь работу ребята сумели развернуть шире. Им удавалось добывать газы: фосген, хлороформ и др. Приготовляли дымовые завесы. Работой их интересовались не только молодежь, но и взрослые рабочие. Ребята с удовольствием показывали им свои опыты, давали объяснения.

Как к их делу относились жильцы, показывает следующий факт.

Во время занятий в жилое помещение проникали газы лаборатории. Но жилец квартиры не жаловался на ребят и не ругал их, несмотря на то, что они причиняли ему беспокойство.

Ребятам приходилось производить опыты с большой осторожностью, дабы не начудить и самим себе не нанести вреда. Чтобы побольше нахвататься знаний, они завели связь с лаборантом.

Он заинтересовался ими и, видя их тягу к химии, стал хлопотать, чтобы им отвели помещение под химическую лабораторию в тверском Доме Крестьянина. Сколько было радости у ребят по этому поводу. Наконец-то у них будет своя лаборатория.

Но дело не склеилось.

Лаборант уехал, и вопрос о помещении для химической лаборатории заглох. Ребята за неимением помещения (из подвала пришлось уехать, там идет ремонт) занятия свои забросили...

Были да сплыли

В прядильном отделе «Пролетарки» были в 1927 году две футбольные команды, стрелковый и легкоатлетический кружки и секция по борьбе.

А потом? Потом кружки почти распались из-за «умной» головы, вздумавшей влить их в клуб текстильщиков. Экономия средств!

За прошлый сезон. Ребята аккуратно посещали поле. Живо и напряженно проходили все соревнования и тренировки.

Но работу тормозил клуб текстильщиков, в ведении которого находился весь спортивный инвентарь. Поле больше было занято командами клуба. Наконец получишь поле — буц нет, фуфайки отсутствуют. Если смилуются — дают буцы без подметок, фуфайки рванные, гамаша с ног валяется, — словом, не матч, а футбольная маята.

А уж зато команда клуба текстильщиков выступает героями, их футбольное снаряжение прекрасно.

Однако и эту беду прядильщики одолели. Выхлопотали себе денег в управлении фабрики с рассрочкой на 6 месяцев, закупили все необходимые вещи для футбола.

Клуб текстильщиков настоял на своем, и на заседании, где были представители фабкомов, ячейки ВЛКСМ и представитель физкультуры, решили присоединить все кружки к клубу.

Фабком также был за слияние.

Комсомол промолчал, а представитель физкультуры ничего не мог сделать перед натиском людей, у которых вместо голов футбольные камеры на плечах.

Остались ребята круглыми сиротами. Кое-как сколотили команду «Красный Прядильщик», но больше ее знают как команду «Дяди Вани».

И со спортполем попрощались. Все захирело.

Комсомольский кооператив

В 1927 году в сентябре ячейка ВЛКСМ ЦРК решила создать в виде подарка к 10-летию Октября показательную комсомольскую лавку. Этот вопрос был поставлен перед правлением и профорганизациями. Они дали свое согласие. В результате с 1 октября была открыта лавка. Тормозом в работе служило казенное, чиновничье отношение некоторых спецов, зав. лабазами и пекарнями, которые снабжали лавку не во-время, не давали необходимого товара или посылали недоброкачественный товар. Но, несмотря на все это, благодаря энергии самих ребят лавка увеличила оборот, стала на хорошем счету у покупателей.

Это подтвердило собрание покупателей совместно с продавцами комсомлавки.

В отношении руководства со стороны райкома дело обстояло плохо — райком не удосужился ни разу провести обследование комсомлавки. В работе лавки, в ее улучшении помогала лишь одна ячейка ВЛКСМ Церабкооп.

«Дикая команда»

Часов 6 вечера. По шоссе за Ленинградской заставой несется группа велосипедистов. Все они едут, не держась за руль, и на различных инструментах наигрывают веселый марш. Впереди гармонист и парень с бубном, а там — с барабаном, кренделем и другими инструментами.

Это — «дикая команда велосипедистов».

Чуть ли не все эти ребята — бывшие хулиганы, многие из них уже сидели в тюрьме. Теперь они приобрели простенькие, но довольно крепкие дорожные машины и стали заниматься велосипедным спортом. Среди них есть приличные гармонисты и вообще умеющие играть на незатейливых инструментах. И вот ездят и развлекаются.

Это отвлекло их от хулиганства. Раньше они от скуки пили, хулиганили, а теперь нашли полезный метод развлечения.

Но ни ячейка комсомола, ни юнсекция клуба «Металлист» ничего не сделали по организации этой группы и не привлекли ее к участию в проведении комсомольского досуга.

Нужно ли приданое?

3 августа на собрании ячейки комсомола ткацкого отдела, созданном смотровой комиссией, комсомолка Васильева в своем выступлении затронула вопрос о приданом.

Васильева рассказала, как член партии, выдвиженец, подмастерье вагонного завода, Мацюк стал все чаще и чаще вместе со своей родней упрекать жену за то, что она набрала в потребительской лавке приданого на 150—200 рублей, а ему приходится в рассрочку погашать ее «забор». Семейная жизнь стала невозможной, и жена Михаила Мацюка приняла отраву.

Ее удалось спасти.

Васильева на основе этого факта сделала следующий вывод: девушке нужно собирать приданое, чтобы никому не быть обманутой.

Васильева попала в самую точку, затронув важный и большой вопрос.

Ячейка ткацкого отдела устроила собеседование на тему «Нужно ли приданое?»

Собеседование показало, что вопрос о приданом совершенно обойден партийными и комсомольскими организациями, что достаточно было только затронуть этот вопрос, чтобы о нем горячо заговорила масса.

На примере небольшого собеседования, куда пришли комсомолки и беспартийные девушки «поговорить по душам», каждый убедился, что здесь работы и борьбы с постыдным пережитком купли человека товаром, не на месяцы, а на годы.

Выступавшие рассказали, как из-за какой-нибудь занавески, недоданного самовара ломается и становится невозможной семейная жизнь, как некоторые активные комсомольцы подсылают сватов к невесте, не отказываются от приданого, идут на поводу у своих родных, молчаливо потакают чисто торгашеским разговорам стариков о приданом.

— Приданое—тот же калым.—заявил рабочий Тимофеев. И он прав в своей оценке, в требовании к молодежи начать борьбу с пережитком, одинаково унижающим женщину и мужчину.

Васильева только затронула вопрос, собеседование показало, что разговоры о приданом—глубинная проблема, волнующая нашу молодежь.

И как следствие всех этих разговоров—требование устроить для всего района показательный суд над Михаилом Мацюком.

Разговоры о приданом обнажили грандиозный бытовой пласт косности, о котором комсомол основательно забыл.

Бюрократы задушили полезное дело

При школе ФЗУ была организована группа по созданию школьного кооператива.

Ребята дружно откликнулись на это дело.

В школе приходится бывать с 8 утра до 2 часов дня—6 часов без еды. Голод—не тетка, и, убедившись, как «сосет под ложечкой», ребята внесли по 1 рублю 20 коп., из них 20 коп. вступительных и 1 рубль паевых.

Группа договорилась с Церабкоопом о снабжении их из пекарни горячими булками и прочими продуктами. Управление Церабкоопа пошло навстречу: отпустило товару на 60 рублей в кредит. Ребята ожили. Пьют каждый день сладкий чай, платя за стакан по 2 копейки и столько же за горячую булку.

Но вот пришли как-то представители из Губпрофобра и фабкома и, выпив по стакану чаю за 2 коп., заметили ребятам, что они создали дикий кооператив, что его существование противоречит постановлению ЦК ВЛКСМ и что создание разрозненного кооператива недопустимо. Кооператив надо закрыть и доблестно дсбиваться в школе открытия отделения ЦРК, которое, понятно, будет брать 5 коп. за стакан чаю.

Отделения ЦРК при школе до сих пор нет. Дикий кооператив свою работу возобновить не может, так как это якобы противоречит указанию ЦК ВЛКСМ. Ученику приходится поэтому сидеть и ждать «у моря погоды» — питаться всухомятку.

Комсомольский комплект оправдал себя

Комиссия труда и образования ткацкой фабрики «Пролетарка» взялась за продвижение молодежи на квалифицированную работу. Выхлопотали у администрации комплект довольно плохих (хорошие были отведены другим рабочим) станков—«нортропов». Ячейка должна была выдвинуть ткачих, а администрация обязалась подобрать подмастерьев из числа комсомольцев—слушателей курсов ткацких подмастерьев-нортропщиков.

Ячейка справилась с подбором ткачих очень хорошо. Выделенные в комплект девушки скоро доказали свои способности. Но администрация в подборе подмастерьев сделала большой промах. Однако, несмотря на слабый подбор подмастерьев и неравномерный ход станков, комсомольский комплект не уступает старикам ни в выработке, ни в качестве товаров. По части дисциплины они даже показали пример рабочим. Когда происходили недоразумения с выплатой жалования, работники комплекта не бросали станков и не шли «воевать» с директором, как это делали старики, а ждали ответа от уполномоченных завкома, выяснявших создавшееся положение.

Вот цифры, говорящие о выработке комсомольского комплекта за июнь. Самый низкий заработок у ткачей на нортропах 2 р. 30 к., а у комсомольцев самый низкий заработок в день 2 р. 36 коп.

В мае заработок некоторых комсомолок превысил заработок «заслуженных» стариков.

Нужно сказать прямо, что ткачихи этого комплекта, как, например, Катюша Семенова, Катя Гребнева, Жахова, Седошенко и др., заслуживают звания лучших ткачих. О них дают лучшие отзывы не только ткачихи, но и вся администрация.

Теперь даже старики убедились в способностях молодых ткачих. Но подмастерья комсомольского комплекта еще не могут показать себя в работе. Это объясняется тем, что они пошли на курсы подмастерьев, не имея достаточной квалификации, и при всем желании не могут опередить «стариков». Они не смогли изучить в короткий срок автоматический станок.

Но комсомольский комплект — новое, живое дело, корни которого лежат глубоко в непосредственных интересах рабочей молодежи. И поэтому он будет жить.

Вот они, новые формы

Проблема «комсомольских ножиц», проблема приспособления форм союзной работы к интересам и запросам масс очень стара.

Часто мы эти новые формы надумываем, часто ломаем головы в комитетских кабинетах, стараясь изобрести что-то новое и интересное.

За этим надумыванием и изобретательством часто забывается настоящая, подлинная жизнь низов.

Но здоровая и творческая инициатива живет, и живут новые формы в толще производственного, общественного и личного быта рабочей молодежи. Просачивается кипучая жизнь, пробиваются новые, прекрасные ростки самодеятельности.

На приведенных примерах понятие «новые формы» конкретизируется.

Новая форма — это вырастающая из потребностей жизни беседа о приданом и суд над Мацюком, пропаганда идей новой семьи и новой коммунистической морали. Новая форма — это велосипедисты-виртуозы, променявшие пьянство на гармонию, здоровым пролетарским инстинктом тянущиеся к культуре.

Новые формы живут. О них иногда поговаривают в тезисах и резолюциях. Но руководители ими не занимаются. Больше — они их не видят, они проходят мимо них. Губком комсомола незадолго до нашего приезда обследовал фабрайон. И губкомольцы обследовали и не заметили таких вещей, как комплект на ткацкой, как комсомольский кооператив! Они не созвали творцов и инициаторов этих дел, они не поговорили с ними, они не подняли их на щит, не показали союзу конкретный пример полезной и большой работы, не окружили вниманием и заботами подлинных социалистических строителей!

На собрании комплекта в ткацкой, созданном смотровой группой, молодые ребята и девушки пересказом сухих и простых фактов написали красивую поэму молодой творческой инициативы.

Комплект возник в связи с тем, что старики других комплектов не хотели включить в свою среду молодых подмастерьев. Корни нового, корни комплекта, комсомольской лавки, культурных обеденных перерывов и библиотека комсомольца заложены глубоко в жизни, растут из насущных интересов масс.

И нужно признать, что все эти дела зародились и были сделаны на низах. Они прошли мимо носа руководителей.

А массы растут

Комсомольцы ткацкой самостоятельно разрешили свое стремление к хозяйствованию в производстве. На том же собрании комплекта простая ткачиха, раньше ничего не знавшая, кроме своего станка, заговорила о всех тридцати двух станках комплекта. Заговорила тоном деловитого хозяина. И она себя в первый раз почувствовала настоящим хозяином. Разве это не показатель роста? А то обстоятельство, что группа молодых ребят самостоятельно хозяйничает и хорошо хозяйничает в лавке, да еще по своей инициативе вводит новую культуру обращения с продавцом? Это — показатели несомненного роста масс, это образцы того, как плодотворно руководство, построенное на жизненных требованиях (в данном случае низовое руководство ячеек ткацкой и церабкооп), сколько отличных результатов оно может дать! Именно в этом секрет успеха «легкой кавалерии». Через головы тверских руководителей масса делает практическое дело социалистического строительства.

Когда мы рассказали в Москве о шумовом оркестре велосипедистов, нам не верили. Это что-то совсем новое. Но стоило посмотреть на этих ребят с вагонного завода, бывших хулиганов и пьяниц.

Раньше они разбивали стекла и головы прохожих и топили энергию в водке... Но здоровая пролетарская сущность победила водку, и выход для своей энергии ребята нашли в бубнах и гармошке.

Мы показали только отдельные примеры. Их много в тверской действительности.

Но эти дела зарождались и развивались внизу самостоятельно, эти новые формы появлялись сплошь и рядом без участия руководителей.

Будни рабочей молодежи проходили мимо ячеек.

Таково было в Твери состояние массы, разомкнутой с руководством.

Оторванные от масс

На собрании группы молодых рабочих-комсомольцев механического завода «Пролетарки», созданном смотровой группой, ребята нарисовали безрадостную картину. Их не слушают.

По мнению руководящих органов, по мнению актива, ячейка — самодовлеющее целое. Для нее, ячейки, «в целом» пишутся оперативные планы, ей, ячейке, даются задания. Игнорируется то обстоятельство, что ячейка состоит из живых людей, имеющих свои индивидуальные вкусы, взгляды.

запросы. Перед тверскими руководителями нет людей—есть стандарт комсомольца-механика. Интересно обрисовал этот взгляд комсомолец Кокин.

— Когда мы говорим о наших личных интересах и запросах,—сказал он,—нам отвечают: «Это ваше личное дело».

Еще яснее показал физиономию руководства один работник губкома.

— Личную инициативу нельзя включить в план ячеековой работы,—заявил он.

На собрании в механическом заводе комсомолец Биберов вспомнил времена 19—20 года. Тогда каждый человек жил стихией времени, тогда ни у кого не было личного. Вспомнил Биберов, как активисты днями и ночами жили в ячейках и клубах, спали, ели и работали в массе, были органически связаны с этой массой, жили ее запросами и настроениями. И они были подлинными руководителями, чуткими и умелыми... А теперь?.. Зимой молодежь проводит свой досуг в коридорах на вечеринках, летом — в роще.

Почему руководители никогда не бывают там? Почему они, рассматривающие массу по статотчетам и сводкам, через призму цифровых колонок, не спустятся в низы и не взглянут на них глазами живого человека?

Характерный факт. На заседании бюро губкома заслушивался отчет секретаря фабрайкома.

Товарищи, выступавшие в прениях, говорили о многом. Но ни один не попытался проверить работу фабрайкома по своим личным впечатлениям, от столкновения с массой. Таких впечатлений не было.

Еще факт. Секретарь фабрайкома тов. Гусев повел одного из членов смотровой комиссии в ячейку механического завода и... привел его в помещение, из которого ячейка выехала год тому назад. Секретарь райкома не знает дороги в свою ячейку.

Актив не знает, где молодежь, он не слушает ее, ему некогда...

* * *

А может быть, и слушать нечего? Может быть, то, о чем говорит рабочая молодежь, не заслуживает внимания актива? Посмотрим, о чем говорила рабочая молодежь на собрании.

Одна из основных проблем самокритики заключается сейчас в том, что массы, поднятые к критике, всегда должны видеть ее практический и непосредственный результат. И об этом сразу же сказал комсомолец Кокин на том же собрании механического завода.

— Скажите, товарищи,—спросил он с первых же слов своего выступления,—для чего мы будем вам говорить о наших делах? Будет ли от этого какой толк?

И только когда ему объяснили, что на основании их выступлений будут делаться выводы о перестройке союзного руководства, когда ему сообщили, что на собрании присутствуют представители смотровых троек, которые каждое слово выступающего будут записывать и принимать срочные меры,—только тогда начал рассказывать комсомолец Кокин.

Он рассказал о чернорабочих. Они имеют свои особые производственные интересы, но на общепрофессиональных собраниях их голос теряется. Кокин решил созвать собрание чернорабочих. Парт'ячейка и завком механического завода категорически запретили ему сделать это. Кокин обратился к беспартийным рабочим и начал собирать подписи за снятие мастера. Кокин сделал ошибку, и парт'ячейка взгрела его. Но разве не следовало взгреть эту парт'ячейку за игнорирование интересов целой группы рабочих.

Много фактов дали еще ребята на собрании в механическом заводе.

Тот же Кокин рассказал на собрании, что в милиции избивают «забранных» по случаю праздничной выпивки ребят, сообщил, что пай в кооперацию стоит 15 рублей и не все могут купить его.

Костылев жаловался на администрацию, фактически вынуждающую рабочих к сверхурочным работам, и на старшего мастера, пропивающего полотенца рабочих.

Андреев говорил о невыполненном обещании профорганов уравнивать тариф. Между тем, если раньше 5-й разряд относился к 9-му, как 75 коп. к 1 рублю, то теперь он относится, как 50 коп. к рублю.

Биберин с болью повествовал о трех футбольных командах, бывших раньше на механическом заводе. Теперь с перенесением всей физкультурной работы на центральный стадион все команды распались, так как ребята на стадион ходить не могут.

Коновалов рассказывал о слесаре Федорове, куском чугуна разбившем голову молодому рабочему Голубеву.

Есть еще умники, которые утверждают, «что жизненные мелочи» закрывают общеполитическую перспективу. Пусть им ответят приведенные выше факты. Разве они не дают богатейший и притом вполне конкретный материал для рационализации, физкультуры, борьбы с бюрократизмом, «легкой кавалерии»? Разве задачи партии не связаны органически с жизнью?

★

На разных языках

Старики и молодежь столкнулись сегодня на собрании в ситцевой «Пролетарки». Мы дадим здесь сухой перечень событий этого горячего собрания.

Работница Владимирова:

— Отцы и матери пьют, а дети у них учатся. Часто бывает так: отец гуляет, а мать больна, чуть на хлеб зарабатывает. Трудно такой вырастить своего ребенка.

Есть еще родители, которые живут развращенной жизнью. Дети им подражают, а есть и такие, которые ударяются в проституцию.

Работница Винжалова:

— В нашей казарме живет много партийцев, а их дети во-всю дуются в карты. Отнимешь карты, устроят «темную».

Сын мой был в «пионерах». Спрашиваю, почему не идешь в клуб? Боятся хулиганства. Из клуба Ленина не одного «резанного» на руках выносили. Рабочие туда детей боятся пускать.

Работница Шарова:

— Молодежь часто в карты проигрывает свою одежду, а маленькие перенимают дурную привычку и также норовят играть «на деньги».

Работница Матвеева:

— Среди молодежи до революции были «рогали» и мещане. «Рогали» сидели дома, а мещане в галстучках разгуливали по асфальту. Сейчас все мещане.

Я недавно видела кино-картину из жизни американского рабочего. Пролетариев хорошо нарисовали, а буржуев слишком по-сдобному показали. Вот это и развращает молодежь. Им показывают ловких карманников, а потом подростки в казармах хвалятся тем, чему поспешили научиться в кино.

В коллективе комсомола, в наших ячейках официально относятся к людям. Зайдет девушка в ячейку, ее не спросят, пойдет ли она в комсомол. Не поинтересуются, как она живет. Если она немножко прибрана, освистят.

Секретарь цех'ячейки Соловьев:

— Нас спрашивают: почему мы пьем?

Отвечаю: молодежный ленинский клуб не работает. В клубе больше хулиганичают.

К служащим конторы, высококвалифицированным рабочим, постоянно работающим днем, приспособлена фактически вся работа района (кино, клубы, и пр.)

К более отсталым рабочим и молодежи, работающим по-сменно, культура совсем не приноровлена.

Комсомолец Феоктистов:

— Я несколько раз просил, чтобы меня как эсперантиста «взяли в работу» для интернациональной связи, но на мое заявление не обратили внимания.

Работница Иванова свое мнение о молодежи членам смотровой комиссии высказала после собрания:

— Муж мой с 1919 г. в партии, я — с 1917 года, пять раз записывала нашего мальчугана в пионеротряд, а в отряде не могут закрепить его за собой.

В комсомоле актив страшно замкнут. На собраниях выдвигают близких.

У рядовых ребят не стараются узнать, почему они не платят членских взносов. Не спрашивают и исключают из комсомола.

Замужняя комсомолка Иванова:

— Я работаю 8 часов на предприятии, живу в пяти верстах от фабрики. Прихожу в ячейку и прошу: дайте легкую работу, чтобы я не оторвалась от комсомола. Хочу остаться коммунисткой. Но на меня не обращают внимания.

Зеленов (партактивист):

— Наша молодежь не участвует в производственных совещаниях. Молодых ребят не видно на них, должно быть, их мало тревожит жизнь предприятия. Здесь комсомолу нужно было себя показать.

Комсомольский активист Шаранов:

— На одном из собраний ячейки обсуждали колдоговор. Ребята хотели внести предложения по отдельным пунктам, но нам сказали: колдоговор утвержден, никаких изменений не допускается.

Зачем же тогда обсуждать его на собрании?

Партактивист Михайлов:

— Я был одно время партприкрепленным к коллективу ВЛКСМ, но должен сказать, что редко кто интересовался моей работой. Подойдет иногда ко мне старик-партиец и ограничится вопросом:

«Как дела?»

«Дела идут, да не очень хорошо», — отвечаешь. Я просил еще одного человека в помощь, но отказали.

Член бюро коллектива ВЛКСМ Петрова:

— Наш секретарь Соколов не один виноват в развале работы. Бюро видело, что Соколов разлагается, но ничего не сделало, не предприняло. И только ли бюро виновато? Парт'ячейка и райком были осведомлены обо всем.

Секретарь партколлектива Матвеев:

— Для руководства комсомолом мы давали лучшие наши силы. Секретарю коллектива ВЛКСМ мы несколько раз выносили выговор.

Работница Егорова:

— Комсомолу не помогают хозяйственники и профессиональные работники.

Выпустили из школы ФЗУ 12 человек слесарей и токарей, а потом с метлой по двору пустили. В упаковочном цехе, где двести человек взрослых, нет полагающейся брони. Сейчас поставили четырех ребят, но держат их на черновой работе.

Работница Шаврова:

— Вся беда, что мы не смотрим за безработной молодежью. Развращается молодежь до поступления на работу.

Ходит без дела парень — начинает хулиганить.

* * *

Это собрание может служить иллюстрацией опасности разрыва между руководителями и массой. Три основных линии, по которым шли выступления, достаточно четко показали, чем живут массы, что делают и думают руководители.

Много сказали о молодежи взрослые. Работница Матвеева рассказывает:

— До революции «рогали» сидели дома, а мещане в галстуках и коротеньких юбочках ходили по асфальту. Теперь все мещане...

Старые партийки-работницы, закаленные и испытанные, полны болью за своих детей, которых засасывает асфальт, засасывает болото мещанства и обывательщины. Они с оттенком горького недоумения рассказывали о своих сыновьях, покидающих комсомол.

Силой своего огромного жизненного опыта взрослые чувствуют, что неладно дело обстоит с молодежью, и болеют за нее.

Не менее характерно выступление комсомольцев и молодых рабочих. Их общественный спрос превышает предложения, превышает то, что им могут дать теперешние формы комсомольской работы. И они недоумевают. Почему эсперантиста Феоктистова не использовали для связи с границей? Почему замужней комсомолке Ивановой не дали нагрузки, предоставив ей отрываться от комсомола и погружаться в чад кухни?

Все рядовые работницы, выступавшие на собрании, задевали острые, волнующие вопросы. И вместо ответа на них, вместо внимательного отношения к жизненным требованиям масс руководители-активисты отвечали общими, заезженными фразами, говорили о работе «вообще». Так говорили комсомольские активисты, так их учил партактив.

— Дело не в яликах, — сказал агитпроп парт'ячейки Швецов, — нужно обратить внимание на политкружки и Осоавиахим...

Все, что не относится к политучебе, выпадает из поля зрения агитпропа. Злой насмешкой над принципами партруководства выглядит выступление секретаря парт'ячейки Матвеева:

— Мы Соколову несколько раз выносили выговор, — заявил он по поводу секретаря комсомола, доведшего коллектив до развала.

Люди, которые все свои силы обязаны приложить для выращивания молодых коммунистических побегов, проводят это... путем вынесения выговоров! Руководитель партийной ячейки не нашел других живых слов, чтобы с партийками, матерями-работницами поговорить о том, как совместно бороться с пьянством и картами!!!

Новую печальную страницу косности и мертвечины показало перед нами собрание в ситцевой. Руководители, «водители», замкнулись в узком круге аппаратных представлений о членских взносах, дисциплине и политучебе. Что до того, что их закоряченные формы давно отстали от жизни, что до того, что ребята задыхаются в них?

Низовой комсомольский актив, выдвигаемый на руководящую работу, получает плохую учебную закалку. Его не повертывают лицом к массам. Его не учат присматриваться, прислушиваться к голосу масс. Его сразу же замыкают в заколдованный круг старых, традиционных способов работы, его учат руководить «вообще».

Работница-партийка Галахина так сказала об этом:

— Учится молодежь у наших партийных главков. Главки собираются кучечкой, и наши комсомольцы так поступают.

Опыт собрания на ситцевой лишний раз показал нам опасность разрыва между руководителями и массой. Массы говорят о жизни, о клубе, о переводе на квалифицированную работу, о внимательном отношении к человеку. Политически близорукие руководители отвечают рассуждениями о политучебе «как таковой».

Эти рассуждения стали органическим свойством тверского руководства. Они в Твери стали сущностью руководства, сущностью работы актива.

★

Организационная шелуха

Если из любой организационной формы выпотрошить жизнь, останется организационная шелуха. Если на собрании ставится скучнейший доклад, непосредственно не касающийся аудитории, такое собрание будет всего лишь вышелущенной организационной формой.

Часто можно слышать такой разговор среди активистов:

— Мы что-то долго не собирались... Надо бы собраться.

Или:

— А у нас стенгазета давно не выходила... Надо бы выпустить.

Здесь людям важно не дело, которому должно быть посвящено собрание, заседание или выпуск стенгазеты, а самый факт собрания или выпуска газеты.

Как мы проводим кампании?

Докладчик о самокритике, под храп аудитории, читает двухчасовой доклад, когда нужно, чтобы он десятиминутной речью вызвал трехчасовые прения. Дело ведь не в том, чтобы отбубнить на собрании, а в том, чтобы докладчик сумел ухватиться за интересы слушающих, вызвав их активность вокруг этих интересов.

Часто ячейка копирует работу комитета: создает ненужные комиссии, бесплатный инструктаж, двухнедельные обследования цех'ячеек, длиннейшие резолюции и т. п. вещи, без которых вполне можно обойтись в ячейковой работе.

Зачастую новые формы работы насаждаются механически: не растут из жизни, не жизнь является их фундаментом, к формам подгоняется жизнь.

Фундамент — форма, жизнь — надстройка.

Именно так и было в Твери. Собрания, заседания, сбор членских взносов, дисциплина, планы работы и другие вещи, так необходимые в работе комсомольской ячейки, перестали быть организационным средством для достижения конкретных революционных целей. Они стали самоцелью. Собрание, скажем, проводилось не для того, чтобы на нем коллективно разрешить вопрос о конкретных нуждах предприятия и молодежи, а потому, что собрание вообще надо было провести. План ячейки вырабатывался не потому, что ячейка в плановом порядке должна была обслуживать нужды предприятия и рабочей молодежи, а потому, что ячейка вообще обязана была иметь какой-либо план.

Организационный фетишизм

Мы провели совещание секретарей коллективов и цех'ячеек фабричного района. Рассказывали о работе своих ячеек.

Секретарь одной из цех'ячеек прядильной фабрики «Пролетарки» Соловьев рассказал о работе своей ячейки, примерно, следующее:

— Посещаемость собраний плохая. Только 40 процентов платят членские взносы. Есть «мертвые души». Кампании по займам прошли слабо. За время отпусков работа развилась; полтора месяца не было собрания. Мера оздоровления ячейки — нагрузить рядовых членов ответственной нагрузкой и поднять дисциплину.

По старой традиции, вскормившей его комсомольское сознание, он поклоняется голой организационной форме — собранию, заседанию, сбору членских взносов, дисциплине и т. д.

Но для чего нужно делать это — активист часто не сознает.

Где же корни организационного фетишизма? Они кроются в организационной безграмотности низового актива.

В самом деле. Рядовой рабочий парень, выдвигающийся в актив, сталкивается с готовой для него, не всегда понятной, схемой собраний, заседаний и т. д. Машинка ячейкового аппарата вертится, не касаясь жизненных интересов парня, она пытается захватить и притянуть его холодными и чужими щупальцами вышелушенных организационных форм. И парень в знак протеста против кормежки шелухой или голосует ногами — удирает, переходит в «мертвые души», или покорно преклоняет голову перед этой организационной шелухой и превращается в активиста типа Соловьева.

Никто не учит низовой актив слушать массу, строить свою работу на удовлетворении ее жизненных запросов. Сверху донизу сыплется организационная шелуха. Комитеты осыпают ею ячейковый актив, а этот осыпает ею массы.

Вот что рассказал секретарь цехпарт'ячейки ситцевой фабрики Алексеев на совещании парт'актива фабрайона о том, как он руководит комсомолом:

— Я секретарю своей комсомольской ячейки помог: составил ему 12 пунктов плана, по которому нужно оздоровить ячейку. Пункты эти говорили о повышении дисциплины, переучете всех членов ячейки, регулярной выплате членских взносов, регулярном созыве собраний, помощи парт'ячейке в проведении кампаний...

Бедняга—комсомольский секретарь! На его многострадальную спину тов. Алексеев навалил двенадцать мешков формальной организационной шелухи без единого указания, в чем же конкретные нужды рабочей молодежи предприятия и как к этим нуждам приспособить работу ячейки!

Глазами рядового комсомольца

Причин, вырабатывающих организационный фетишизм, много. Но комсомольцам от этого не легче. Отсюда, от этого поклонения форме — все организационные беды нашего союза. Отсюда и доклады, идущие мимо ушей собравшихся. Отсюда — «мертвые души», отсюда — ослабление дисциплины, отсюда — перегруженность актива в тщетной попытке организовать массу вокруг непонятной ей шелухи. Отсюда — бесконтрольность актива, ибо массы ребят не интересуются «мертвыми душами», не думают о дисциплине и собраниях. Отсюда — опасность бюрократизации актива,

начиная с ячейки, ибо уже в ячейке актив приучается обожествлять аппаратную форму, не увязанную с жизнью.

Время поставило перед нами колоссальную задачу — вовлечь 100 проц. рабочей молодежи в комсомол. Если мы хотим мобилизовать на дело социалистического строительства всю рабочую молодежь, надо в ней самой найти опору.

Попробуем взглянуть на теперешнюю ячейку глазами рядового рабочего парня, только-что пришедшего в комсомол. Парень ждет от комсомола помощи, советов, парень хочет, чтобы комсомол стал его родной организацией. И вместо этого — груды скучной и неинтересной организационной шелухи.

Нужно, чтобы работа ячейки отражала интересы масс не в тезисах, а в повседневности, нужно, чтобы ячейка стала самым близким и родным местом для каждого комсомольца, и тогда он будет посещать собрания, легче будет взимать членские взносы. Комсомолец будет сознательно дисциплинированным, ибо в таких условиях все эти вещи будут не организационной шелухой, а сознательно воспринимаемым логическим спутником живой революционной организации.

Инициатива в кандалах

«Ясно, как апельсин...»

Когда накануне нашего отъезда на совещании в Москве было сказано о необходимости вести смотр руководства именно снизу вверх, просмотреть от ячейки к губкому, насколько наша работа исходит из потребностей и запросов масс, сказавшего едва не подняли на смех.

— Это же ясно, как апельсин, — заявили ему.

Оказалось, однако, что в Твери это ясно только на митингах, в газетных статьях и общих докладах, но никак не в комсомольских комитетах.

С первых же шагов смотровой комиссии в низах и ячейках ей пришлось столкнуться с оперативным планом губорганизации, принятым июньским пленумом ГК. В передовой «Тверской Правды» от 14/IV 1928 года, описывающей план, как начало новой эры в комсомольском руководстве, о плане сказано, что...

«Основная мысль плана заключается в том, чтобы согласовать и координировать работу всех комсомольских организаций — от губкома до низовой ячейки — сосредоточив внимание исключительно на узловых вопросах...»

Другой особенностью плана является точное определение заданий, распределение их между организациями и отдельными лицами, точные сроки выполнения и персональной ответственности...»

А в объяснительной записке плана сказано:

«... Настоящий план является планом работы на 4 месяца всей губорганизации... Он охватывает все основные вопросы. Никаких других планов не допускается.

... Губком вперед за каждый месяц разрабатывает по отдельным вопросам практические задания для работников губкома, райкома и укомов.

А каждый уком и райком разрабатывает, в свою очередь, для ячеек и ВК, где точно указывает, как и что сделать».

Главида «оперплана»

Идея плана такова.

Прежде всего губорганизация должна уподобиться армии со строго централизованным руководством генерального штаба — губкома. Штаб вырабатывает единый план для всей губорганизации. Планы разрабатываются не в ячейках, не в низах, а навязываются сверху, при чем «никаких других планов не допускается». Работа должна пойти как по маслу, «под персональной ответственностью каждого работника».

Запросы масс? Неувязка плана с потребностями ячеек, невозможность приспособить его к местным условиям? Извольте выполнять!

Удивительным кажется одно обстоятельство. Ведь если в кабинетах губкома можно разработать оперативный (а не ориентировочный!) план работы для всех ячеек губернии, даже «отдельных лиц», то... зачем, собственно говоря, существует губком? Зачем существуют укомы и ВК?

Ничего этого не нужно...

Оперативный план тверского ГК мог бы быть с успехом написан в Москве и смело разослан для любой губернии. Сидел бы себе, скажем, ЦК в Москве, писал бы оперативные планы для всех ячеек союза и все было бы ладно... Ячейки бы работали по плану, так сказать, «сосредоточив внимание исключительно на узловых вопросах». Ведь в оперативный план входят все общеполитические и кампанейские вопросы, освещаемые печатью! Коренное изменение всей системы союзной работы! Необычайно мудрое разрешение всех комсомольских проблем! А по-настоящему — образец бюрократического недомыслия, граничащего с головотяпством. Сидели люди, пыхтели, пыжились, изучали опыт подшефной киргизской организации и открыли Америку — решили, что бюрократическую систему оперативных планов Киргизии можно безбоязненно пересадить на тверскую почву. Некоторые секретари волкомов довольны — не надо больше думать, не надо возиться с выявлением и удовлетво-

рением запросов масс, не надо биться над разрешением вопросов, выдвигаемых жизнью на местах. Выполняя план, сосредотачивай внимание исключительно на узловых вопросах... и никаких гвоздей!

Каково же благоприятное действие этого, мягко выражаясь, гениально-оперативного плана?

Оно сразу предстало перед смотровой комиссией во всей своей бюрократической наготы.

Вот оно.

Оперплан в действии

1. Тов. Синицын на совещании группы «легкой кавалерии» рассказывает об ячейке швейников на фабрике имени Володарского. Там в связи с потребностями производства ячейка заслушала и обсудила доклад руководителя предприятия о снижении себестоимости. Через некоторое время секретарь тверского угоркомла тов. Никофоров настоятельно предложил секретарю ячейки снова поставить на собрании ячейки доклад директора в определенный срок, ибо именно в этот день такой доклад предусмотрен оперативным планом угоркомла. Немножечко... странно, не правда ли?

2. Тот же тов. Синицын рассказал о деревенской знаменской ячейке Ржевского уезда, которая никак не могла приложить к жизни оперативный план ржевского укомла. Знаменская ячейка совершила преступление: она просто-напросто построила свой план на основе задач окружающей действительности. Например, в связи с ростом хулиганства в районе ячейка включила в свой план работу по борьбе с хулиганством, а во избежание начальственной нахлобучки и для начальственного успокоения вынуждена была отослать в губкомол фиктивные сведения о «выполнении оперативного плана». Это — преступление, так как «никаких других планов не допускается» а «все укомы, райкомы, волкомы и ячейки... могут дополнять к настоящему основному плану еще другие вопросы, не более одного — двух».

3. На собрании ткацкой ячейки «Пролетарки» тов. Семенов рассказывал о молодежном Ленинском клубе. В дождливую грязную погоду молодежь ходит с гармошкой по двору и не заглядывает в клуб. Нужно что-то сделать? Нужно сделать так, чтобы молодежь в часы досуга предпочитала клуб всему остальному? Но об этом не говорится в плане, а других планов... быть не может, — понятно?

Летняя массовая работа в фабрайоне Твери велась из рук вон плохо. Ребята хотели кататься на лодке, но не было яликов, и никто не взялся организовать нужное и интересное дело гребного спорта. Ибо ведь об этом... помилуйте, ничего не сказано в плане, а «уклонение от сроков плановой работы, как

правило, не допускается, а возможно в отдельных случаях с согласия губкома» (объяснительная записка плана).

Еще факт: ленинградский завод имени Карла Маркса выпустил новые автоматические ткацкие станки «Нортроп». Партия станков была установлена в ткацкой фабрике «Пролетарки». Работницы относились к ним с недоверием и не пожелали на них работать. Комсомольская ячейка ухватила за этот выдвинутый жизнью вопрос, создала из своих членов бригаду, поставила ее к новым станкам и «антропы» восторжествовали. Было рассеяно недоверие рабочих к машинам, было сделано нужное, большое дело.

Дальше. Тверская молодежная газета «Смена» получила от губкомла задание — осветить итоги рационализации. «Смена» описала историю со станками. А через некоторое время редактор тов. Трифонов получил нахлобучку в губкомле:

— Мы тебе предложили в порядке выполнения плана осветить итоги рационализации, а ты нам какие-то «антропы» подсовываешь! — возмущились разгневанные «недоброкачественностью продукции» губкомольцы...

Приведенные факты говорят достаточно. Выводы напрашиваются сами собою. Оперативный план тверской губорганизации, сама идея беспардонного навязывания сверху некоего единого плана, идея напяливания единой шапки на голову всех ячеек представляет собой законченное бюрократическое извращение основных принципов большевистского руководства, головотяпское наплевательство на основной лозунг партии «лицом к массам». Гвоздь нашей работы заключается теперь именно в том, чтобы с наибольшей чуткостью улавливать настроение и запросы масс, в том, чтобы немедленно реагировать на конкретные вопросы, выдвигаемые действительностью, и воспитывать массы, учить их коммунизму именно на удовлетворении их повседневных потребностей. Эту основную принципиальную установку нашей работы идея оперативного плана исключает, и поэтому план полон противоречий. Почему «проверка работы» участия ячеек и комсомольцев в работе в советах и горсоветах намечена в июле месяце? А не в декабре? Не в мае? Почему по плану рационализацией надлежит заниматься только в июне, когда эта работа является теперь основной частью нашей повседневной производственной жизни? Почему ячейки не имеют права заниматься рационализацией в январе? А что будет, если нужды какого-нибудь предприятия поставят в сентябре перед местной ячейкой вопрос о рационализации в связи, скажем, с приобретением новых машин, как-раз в тот момент, когда комсомольцы по плану должны заниматься обсуждением вопроса о новых формах любви и пропагандой зубной щетки?

План оторван от жизни. Он являлся типичнейшим образцом казенного бюрократического подхода к делу. Трагичнее всего было то, что сами его творцы — работники тверского губкома — не сознавали этого.

Заворготделом губкома — тов. Куприянов — пришел в ткацкую ячейку «Пролетарки» и помог ребятам выработать план ячейковой работы. Мы спросили у него: как мог он, товарищ Куприянов, самостоятельно содействовать выработке плана в ячейке и (о, ужас!) на основе местной обстановки включить туда то, что не было предусмотрено планом ГК? Тов. Куприянов с честью вышел из положения. Он оправдался. Он заявил нам (слушайте!)... что план ткацкой ячейки был выработан до появления в свет плана губорганизации, так что в виду давности за ним, Куприяновым, никакого преступления не числится.

Секретарь ГК тов. Сергеев частично соглашается с тем, что план нехорош, но... «только потому, что надо много писать, основная же идея должна остаться!»

Нужно решительно возражать против навязывания ячейкам сверху такого оперативного плана, который не предусматривает «и физически не может предусмотреть задачи, выдвигаемые перед ячейкой местной жизнью». Ведь не на луне же, в самом деле, работают наши ячейки! Преимущество большевистской тактики именно в том и заключается, что ее лозунги и задачи всегда были непосредственно связаны с жизнью, всегда вытекали из состояния масс. Наша партия всегда необычайно чутко предвидела и учитывала всякое движение массы и немедленно оформляла его правильными и политическими лозунгами, делала правильные выводы и ставила ясные цели. Если тов. Васильева на собрании ткацкой цеховой ячейки отразила возникший в массе рабочей молодежи вопрос о необходимости приданого — значит ли это, что мы такой вопрос должны игнорировать? Нет, ибо это будет бюрократизм. Или, может быть, мы должны будем обязать всех комсомолок запасаться приданым, раз этого, повидимому, хочет масса?.. Нет. Мы должны активность масс, проявившуюся вокруг этого дела, направить на борьбу с приданым, мы должны всякую активность масс учесть, предугадать и направить в русло наших классовых интересов. А как-раз план тверских товарищей исключает эту возможность. Тверские товарищи разместили на страницах своего плана вне времени и пространства какую-то сумбурную кашу из общеполитических лозунгов. Ею можно с одинаковым успехом кормить тверяка, самоеда и украинца и всех троих от нее одинаково стошнит... Этой бюрократической кашей вскармливается тверской комсомольский актив. На этой каше воспитывались кадры руководителей.

Комбинаторство вместо революционного руководства

Слово «смоленщина» стало нарицательным именем для всякой организации, замкнувшейся в казенных рамках аппарата. Можно смело сказать, что всякий, даже незначительный отрыв от масс несет в себе зародыш «смоленщины».

Несколько примеров тверской горорганизации покажут, куда росло тверское комсомольское руководство.

В капле воды отражается весь мир. Организация фабричного района Твери, насчитывающая в своих рядах около трети рабочих комсомольцев губернии, конечно, не капля. Но в ее взаимоотношениях с аппаратом губкома отразились все прелести тверского руководства.

Один партиец сказал: «Верхушки фабрайкома и губкома дерутся между собой по традиции». Канун нашего приезда в Тверь совпал с разгаром военных действий между ними: бюро ГК производило обследование фабрайона.

Мы не будем заниматься анализом «традиционной» склоки между фабрайкомом и губкомом. Но интересно проследить развитие этой печальной истории.

Выводы о состоянии и работе фабричной организации, сделанные после обследования губкома, представляют собой сплошной обвинительный акт.

Вот к чему они сводятся.

«...Внутриорганизационное состояние коллективов крайне слабое...»

«...Абсолютное большинство цеховых ячеек не знает, что и как делать...»

«...Никакой преемственности в работе нет...»

«...Работы с активом нет...»

«...Состояние организации крайне слабое...»

И так далее.

Руководство фабрайкома коллективами в самом деле никуда не годилось. Это вам не хуже губкома мог сказать любой комсомолец. Широковещательно рекламировать, что «у нас плохо», уже научился «по велению моды» любой комсомольский бюрократ.

Проверить руководство сегодня надо по тому, насколько оно дает действительный исход из плохого состояния, подхватывает и разносит хорошие, здоровые ростки массового творчества. Этого как-раз и нет в выводах. В них нет большевистского упора на здоровое, не показано ни одного крепкого звена, за которое можно было бы ухватиться, чтобы залечить болезни района. В выводах показан невыполненный казенный трафарет ком-

сомольской работы. Выводы пахнут канцелярией. В них нет жизни. Выводы писал сам секретарь губкома, тов. Сергеев.

Секретаря фабкомла Гусева, родившегося и выросшего в районе, губкомол держал в райкоме три года. Гусев пил, район же требовал секретаря-трезвенника.

Губкомол намерен снять Гусева, — об этом открыто говорится в губкомоле перед обследованием. Потрясающие выводы обследования целиком приспособлены к этой цели. Дело снятия руководителей фабрайкомла как-будто бы на-мази.

На заседании бюро ГК, посвященном состоянию фабричной организации, все выступали с критикой фабрайкомла. Логическим выводом из материалов обследования были немедленное снятие руководителей фабричного комитета и вынесение на суд масс недостатков его работы. Но никто об этом и не заикнулся, и только, когда сам Гусев попросил освободить его от секретарских обязанностей, бюро ГК приняло такую резолюцию:

«С выводами обследования и поправками согласиться, просьбу тов. Гусева удовлетворить» (!)

Размахнулись и набузили на рубль. На собрании актива района Сергеев даже говорил о созыве чрезвычайной конференции. Но сделать революционные выводы из своего громокипящего материала... не осмелились.

Сергеев отчитывался на бюро фабрайкомла ВКП (б) о результатах обследования. Сказанное Сергеевым на этом бюро коренным образом разнится от написанного в выводах. Об этом рассказывал на открытом пленуме фабрайкомла представитель комитета партии т. Гузенко. Ожидая нахлобучки от райпарткома, Сергеев дал более сносную картину, сгладив острые углы.

О той же самой безответственности говорит случай наплывательского отношения к внутрисоюзной демократии и пролетарскому руководству, имевший место на уездно-городской конференции комсомола в Твери. Там делегация станционной ячейки, крупнейшей пролетарской ячейки района, была зажата в тиски, и ей была противопоставлена крестьянская часть конференции. Поистине руководство без «зазрения совести»!

О чем говорят эти немногие, но типичные факты? Откуда такая нерешительность и двойственность в политике, такие шатания? Почему такая безответственность?

Потому, что в тверской комсомольской организации (и только ли в ней?) было не революционное руководство, когда каждый поступок руководителя вытекает из революционных задач момента и требований масс, а канцелярское комбинаторство.

Люди не ведают, что творят, не знают, где политически верный путь. У них не система большевистского четкого и ясного руководства, а такое чрезвычайно опасное положение, когда аппаратчик за секретарским столом не ищет в массе опоры для

своей работы, а делает то, чего его левая нога хочет. Его решения не диктуются революционной необходимостью и интересами дела, и поэтому он колеблется, трусит, двурушничает и вместо занятия четких большевистских позиций комбинирует бумажками и совестью, лепит одну резолюцию на другую, заливает бумажной жижей прорехи, пытается загнать болезни внутрь. Смотри раскрыл систему комбинаторства, которая заменяла в Твери союзное руководство.

Политика шатаний

На вершине руководства сидит в кабинетах небольшая группа людей, облеченных властью и фактически не несущих ответственности за работу ни одной низовой ячейки (секретарь ГК т. Сергеев — «почетная мертвая душа» в вагжановской ячейке, к которой он прикреплен и в которую он не заглядывал целый год). Вооруженные председательскими звонками, они позванивают о новых формах демократии и самокритики, превращая боевые лозунги партии в политические побрякушки. Замкнутые в тесном кругу устарелых комсомольских трафаретов, они не могут руководить работой, ибо их «руководство» оторвано от жизни (вспомните «оперплан»). Они создают фиктивное руководство, пишут резолюции, жуют бумажную жвачку, жонглируют докладами, актами и выводами и комбинируют без конца. Тут им полный простор, ибо их работа не стеснена рамками жизненной необходимости.

Когда такое «руководство» сталкивается с жизнью, оно терпит крах. Вскрыли, скажем, недостатки. Что нужно сделать? Вынести их на суд масс, привлечь активность молодежи к их устранению и строить на ней свою работу.

Но комбинатор не может искать опоры в жизни, ибо он оторван от массы.

На Вагжановке был плохой секретарь, который развалил ячейку. И в течение нескольких месяцев райком колебался: снять его или нет? Сняли только тогда, когда его дальнейшее пребывание окончательно оскандалило комсомол района.

Еще один характерный штрих.

Комбинаторы не могут органически воспринять лозунги партии. Двойственность и неустойчивость, выработанная в них системой работы, не покидает их.

Несколько интересных примеров.

На собрании актива работники ГК тт. Куприянов и Никифоров выступили по вопросу об оперативном плане. Они комбинировали фразы и понятия, ухищрялись, изворачивались. Когда они кончили, один из работников смотровой комиссии спросил громогласно перед лицом всего собрания сидевшего напротив комсомольца:

— Ты понял, что сказал тов. Куприянов? Как, по-твоему, он за оперативный план или против?

— По-моему, за... — сказал комсомолец.

— Нет, я против! — вскричал Куприянов.

Это называется: «большевик, правильно понявший лозунг самокритики, выступил и по-большевистски признал свою ошибку...»

Или: на пленуме фабрайкома, когда обсуждался вопрос о Гусеве, тот же Куприянов «страшно» призывал к самокритике. Когда же ребята обрушились на губком, когда они единодушно заявили, что Гусева бюро ГК «засидело», когда губком покрыли, — Куприянов не удостоил массу ответом, а сердито буркнул:

— Нечего мне говорить!

Ответственный работник был настолько раздосадован, что даже не нашел нужным «признать свою ошибку»...

Вообще же «большевистское признание ошибок» превратилось в благодатную систему: делают люди благоглупости, а потом «по-большевистски» признают ошибку.

Первоначально решение о Гусеве бюро ГК признало ошибкой: зажим станционной делегации на уконференции признало также ошибкой. «Признание ошибок» — это какая-то индульгенция, какое-то авансовое отпущение грехов. Ошибкой признают следствие. О причине не говорят, ее замазывают...

Где корни, где причины

таких явлений, как комбинаторство, неустойчивость, склоничество? Все это могло зародиться, развиваться и жить в условиях бесконтрольности руководителей перед лицом масс.

Интереснейший случай имел место на крупнейшем тверском вагонном заводе. На собрании комсомольской ячейки смотровая комиссия спросила ребят:

— Кто из вас знает, чем сейчас занят губком? Что он делает?

Ни одна рука не поднялась. Никто не знал, что делает губком.

Комитеты работают бесконтрольно. От конференции до конференции массы ничего не знают об их работе. Ребята от станка «для ради пролетарского контроля» введены в состав комитетов, но фактически лишены возможности участвовать в их работе, ибо комитеты работают днем, когда все рабочие заняты на производстве.

Массы оторваны от губкома и не контролируют его. Губком оторван от масс и занимается комбинаторством.

В Твери, в пролетарских ячейках широко практикуется метод аппаратного насаждения работников сверху. Так, в ячейке ст. Тверь последний секретарь, назначенный комсомолом для руко-

водства большой производственной ячейкой, был крестьянином! Секретари, не выдвинутые массой, не чувствуют ответственности перед ней. Отношение такого секретаря к ячейке невольно определяется не требованиями ячейки, а исключительно желанием угодить райкому. В эту бюрократическую иерархию упиралась «встречная волна самокритики».

Безответственность и бесконтрольность — органические причины, спутники и следствие комбинаторства.

Кто они?

Опасность бюрократического перерождения комсомольского руководства налицо. Как-раз на почве комбинаторства и безответственности вырастают комсомольские бюрократии, превращающие аппарат в самодовлеющее целое. Не комитет для массы, а массы для комитета. Бюрократические ростки тем более опасны, когда большая часть руководящей верхушки организации не пролетарская.

Кто же были руководители? Каково лицо тех, кто стоял у руля союзной работы в Твери? Табличка из ответа тверского губкома XIV губконференции дает нам цифры. На первое января 1928 года по тверской губернской организации в составе секретарей ячеек было:

1. Рабочих — 16,2 процента.

2. Крестьян-середняков — 38,2 процента.

3. Прочих — 12,3 процента.

50 процентов секретарей из прочих и середняков — цифра сама по себе достаточно красноречивая.

А губернский комитет? У большинства членов бюро губкома аппаратный стаж больше производственного. Все работники аппарата губкома оторваны от производства не менее 4 лет. В анкете одного из руководителей губкома, тов. Куприянова, против графы «производственный стаж» значится: «два года летом пас коров, а зимой учился». Уком партии в партийном деле отнес его к служащим, в орготдел губкома комсомола он проведен как рабочий. Мы не предлагаем устраивать погромы на интеллигентов в нашем руководстве, но интеллигент, оторванный от масс, превращается в чиновника скорее, чем рабочий. Здесь мы особенно должны быть настороже.

Работники аппаратов засиделись, они покрылись плесенью, они не идут вперед, они устарели так же, как формы их руководства. Окостенелость и неподвижность порождали бытовое разложение, пьянство. Имел место случай, когда мелкое склоничество находило свое окончательное разрешение в пьяной драке.

Безответственность, бесконтрольность и бытовое разложение отдельных комсомольских руководителей в Твери, идя рука

об руку, отрывали руководство от массы. А массы росли, жизнь усложнялась и требовала новых, свежих сил.

В Твери и Тверской губернии — старый, коренной, славный своими революционными традициями пролетариат. Целые поколения потомственных пролетариев работают на тверских фабриках и заводах. Между тем находились люди, утверждавшие, что «теперешние кадры абсолютно незаменимы».

Это в Твери-то, где так много сильных и живых ребят? Вы могли их видеть на собраниях, созданных смотровой комиссией. И тем не менее этих прекрасных ребят не выдвигали, им не давали руководящей работы.

Идеология размычки

Тверское руководство приняло форму организационной шелухи оперплана и комбинаторства потому, что актив был разомкнут с молодежью. Внизу, в ячейках размычка являлась организмическим спутником самой системы работы, но наверху размычка получила определенное, идеологическое обоснование.

Начнем с ячейки. Почему ячейковый актив был оторван от молодежи, почему он не слушал ее?

Не слушают не по злой воле. Корни массового ячейкового бюрократизма, корни отрыва ячейкового актива от молодежи лежали в его организационной безграмотности.

В предыдущих главах мы показывали лучших и преданнейших комсомолу ребят, ячейковых активистов, у которых голова пухнет от организационной шелухи.

Стихия низовой самокритики развевалась в курилках, за станками, в коридорах казарм. Никто не учил низовой актив прислушиваться к тому, что говорится в курилке, и улавливать эту критику. Снизу шли неформальные требования. Не умея включить их в план, сделать их исходной точкой своей работы, актив шел в райком за директивами. Но эти директивы были абсолютно не увязаны с конкретными местными нуждами.

Один работник тверского губкома так сказал об этом на пленуме ГК.

— Мы работали для того, чтобы выполнить циркуляр. У нас были резолюции для резолюций, форма для формы. В узкий трафарет омертвевших форм мы пытались втиснуть многообразие жизни. Вне этого трафарета мы жизнь не умели организовать...

Чем выше по комсомольской лестнице, тем слабее ощутимо дыхание жизни, тем меньше самокритики. Отрыв от жизни, который начинается снизу, наверху перерастает в большую опасность. Получается аппаратное колесо, которое вертится на холостом ходу.

И оперплан, и организационная шелуха, и комбинаторство — все это организационное выражение большого недоверия к массам. Низовой актив, как мы видели, был воспитан на этом недоверии. Но откуда бралось оно наверху?

Троцкизм навыворот

Когда кто-нибудь пытается дать массе в руки ключ к организации и сказать ей: «Требуй, чтобы руководство занималось вашими интересами, требуй, чтобы оно помогло вам стать новыми людьми!», — начинаются боязливые опасения.

— А не захлестнет ли нас встречная волна?

В Твери многие комсомольские руководители так и говорили:

— Сможем ли мы выполнять задачи партии, если будем заниматься интересами массы?

Вот где идейные корни недоверия к массам. Выходит, что задачи партии одно, а интересы массы совсем другое. Выходит, что задачи партии не связаны с интересами массы, а наносятся на нее исключительно сверху.

Посмотрим, так ли это? В самом деле, что несет нам масса? Сплошная ли это мелкобуржуазная стихия и есть ли в ней самой стихийное стремление к социализму?

Троцкисты обвиняют нас в том, что мы «зажали рабочий класс в материальные тиски». Они заявляли, что социальное движение масс убито элементарной борьбой за существование.

Жизнь на каждом шагу разоблачает эту черную клевету. Огромная высота «встречной волны» там, где руководители всерьез ее вызывают — явление, очевидное для каждого. Бесконечно многообразная в своих массовых движениях, бесконечно сложная и мощная «встречная волна» переливается стихией рабочей активности. Сколько настроений, пониманий, разговоров, мыслей, чувств!

Не сомкнутая с руководством, «волна» редко перерастает в конкретные и полезные дела. Комплекты и «дикие» кооперативы, шумовые велосипедные оркестры и «команды дяди Вани» насчитываются пока единицами. Но недовольство тем, что критика не перерастает в дело, что дела мало — в массе есть. Масса требует руководства.

Встречная волна, правильно сочетающаяся с руководством авангарда, это и есть сейчас сила революции.

Что несет нам встречная волна?

В последнее время мы вызвали большие волны в Смоленске, Твери, в центрально-городском районе Ленинграда. Надо под-итожить их политическое качество, надо на их основе дать оценку состоянию масс.

Прежде всего надо определить место волны. На опыте Твери можно утверждать, что интересы массы и интересы партии имеют одно направление: больше всего внимания к вопросам хозяйства, потом идут культурные задачи и улучшение советского аппарата. Каждый лозунг партии обязательно имеет стык с массами.

По теории «нанесения» коммунизма на массы получается, что все интересы и настроения массы суть мелкобуржуазные, собственнические интересы накопления. Это — клевета на массу.

У нас часто говорят о недооценке руководства. Но если вредно идеализировать массу и недооценивать авангард, то не менее вредно бюрократически возвеличивать аппарат и плевать на массу, из которой в конечном счете растет большевистский аппарат. В связи с самокритикой огонь как-раз следует направить против сплошного охаивания «встречной волны».

К характеристике массы как нельзя более подходят слова Безыменского:

...Время сделало сердце наше...
Общежитием всяких чувств...

В интересе к хозяйственному строительству индивидуалистическая погоня за повышением зарплаты и плохая труддисциплина у молодежи сочетается с серьезнейшей и глубокой тягой к рационализации, к изобретательству и профтехобразованию. Если молодых ткачих «Пролетарки» волнует вопрос о приданом, то в этом движении интересы мелкобуржуазного накопления сочетаются с борьбой женщины за ее освобождение и независимость. Интерес к вопросам культуры иногда выливается в формы чижиков, занавесок, напудренных носиков и фокстрота, но чаще рабочий молодежь читает, учится и занимается физкультурой. Обывательская пассивность, анархическое наплеватьство на недостатки нашего аппарата уживаются рядом с революционным недовольством против бюрократизма. И вот:

...Надо вслушаться в жаркие споры.
Заседания парламента чувств...

Надо понять, что мы имеем положительную опору в самой массе, что сама «встречная волна» несет нам материал, из которого мы создадим укрепленные базы для наступления на врага. Не надо бояться встречной волны, надо овладеть ею. Надо «укреплять диктатуру победы, большевистскую фракцию чувств». Пусть волна нахлынет на нас, пусть масса принесет нам и хорошее и плохое, чтобы мы, опираясь на положительное, могли преодолеть отрицательное.

Правда, это большая работа и волна несет нам много хлопот. Она требует от нас, чтобы и мы перешли на высшую ступень большевистской квалификации. И не даром бюрократы, любящие «тишь и гладь», так чураются самокритики. Это чуранье целиком

основано на фальшивой оценке «встречной волны». Бюрократ всегда отделяет себя от коллектива и думает, что коммунизм только в нем, и, волею истории предназначенный к великой цели, он призван «внедрять» коммунизм в дику, сплошь мелкобуржуазную массу.

Нельзя массу противопоставлять руководству и задачам партии. Сам руководящий авангард — это организационно собранный положительный полюс класса, и лозунги, даваемые руководством — это выразитель лучшего, что есть в самом классе. Почему лозунги, скажем, культпохода и «легкой кавалерии» вызвали такие глубокие массовые движения? Потому что они отражали передовые устремления всей массы.

«Теория внедрения коммунизма в массы» — это идеологическое обоснование разрыва между руководством и массой. Это — теория людей, видящих только лозунги, но не знающих, откуда лозунги партии растут. Теория эта имеет глубокое практическое отражение в ячейках. У нас уже слишком много «внедряют» и очень мало «слушают». С такими теориями размычку не устранить.

Коммунизм, как теоретическое учение, конечно, вносилось в свое время в рабочее движение извне. Но если мы хотим мыслить по-марксистски, мы должны понять и то, что «история не ставит себе неразрешимых задач». Основа движения к коммунизму заложена в самой жизни, в самих законах общественного развития. Уметь найти эти корни в жизни, уметь соединять их с коммунистическим учением, с коммунистической теорией — вот обязанность руководителя. Если большевики признают историческое значение воли руководящего авангарда, то это вовсе не значит, что массами можно руководить, оторвавшись от их интересов.

Самокритика — система работы

В Твери не «гнойник» и не очередное громкое дело. Но тверской смотр воочию вскрыл полную непригодность старых союзных методов к осуществлению новых задач.

Два года «Комсомольская Правда» трубит о конкретных, революционных делах массы. Два года поднимают на щит, показывают «конкретных носителей добра», показывают вспышки мощного движения низов вокруг лозунгов партии. Лозунги рационализации, культурной революции и т. д., непосредственно вытекающие из состояния и требований масс, встречают в них живой отклик.

«Комсомольскую Правду» читают. С неоспоримыми решениями и выводами съездов соглашаются. Массы, в свою очередь, требуют осуществления этих решений, но почему-то Тверь все же сигнализирует о плохом руководстве? Почему союз так медленно

перестраивается? Почему не проводятся в жизнь решения наших съездов?

Потому, что союзное руководство не сумело впитать в себя активность молодежи, ее органическое стремление к лучшему будущему.

Нехватает, очевидно, самокритики. Не верхушечной самокритики, а такой, которая бы пронизывала всю организацию снизу доверху. Такой самокритики, которая бы каждый шаг союзного руководства ставила под действительный крепкий контроль масс. Самокритику в комсомоле следует понимать раньше всего как повседневную проверку массами приспособленности руководства к удовлетворению их здоровых запросов.

Лозунг — «100 процентов рабочей молодежи в комсомол» — будет осуществим лишь тогда, когда комсомол сумеет зацепиться за интересы этих «100 процентов». Это ясно всякому.

Ленин когда-то писал целые брошюры о штрафах. Он умел долго и основательно изучать жизнь рабочего класса во всех ее проявлениях и революционно организовывать его вокруг самых будничных интересов. Должны ли мы сдать в архив ленинские методы работы? Сеем ли мы сделать это теперь, когда перед нами огромная задача полного включения в социалистическую стройку молодых человеческих пластов, не закаленных огнем революции? Нет и нет! Свежие кадры комсомол впитает, только работая над их интересами. А этого как-раз и нехватает нам. Руководители не только не ведут работу в соответствии с интересами молодежи, не только не строят на удовлетворении их здоровых запросов свою работу, но и не слушают молодежь.

Именно в таких условиях возникают «гнойники».

Слабый рост, «мертвые души», непосещение собраний, падение дисциплины и другие беды комсомола вырастают на почве глубокого разрыва между руководством и массой. Может ли быть речь о коммунистическом воспитании молодежи, если ее жизнь фактически проходит мимо ячейки? Разумеется, нет.

Один авторитетный тверской комсомольский руководитель сказал нам:

— Знаешь, когда по утрам я иду в губком, я не знаю, что я буду там делать.

Он не видит, что массы каждый день в упор подводят его к задачам партии, к лесам социалистической стройки... Сколько дел! Руководители приносят с собой в комитет не то, что они слушали на улице, в казарме, ибо они все это вообще скверно слушали. Оторванные от жизни, от требований и волнений низов, они не получают глубокой социальной зарядки для работы, они не наполнены жизнью.

И отсюда унылый вопрос:

— Что делать?

Исход в самокритике. Нужно, чтобы самокритика стала методом и системой союзного руководства. Самокритика — непре-

ложный лозунг для всей организации. Руководители же должны вслушиваться в критику и с ее помощью организовать массы.

Повторять в статьях и на собраниях лозунг самокритики, конечно, значительно легче, чем выполнить его. Но именно потому, что дело само в руки не дается, именно потому, что в осуществлении этого лозунга упирается перестройка нашей работы, надо прокладывать ему пути, надо учить этому низовой актив.

Искусство слушать массы

Первая задача — проверить каналы, идущие от массы к руководству.

Чтобы наше руководство не было кабинетным, чтобы новые формы, созданные с помощью руководителей, не были надуманы, надо, — повторяем мы, — научиться слушать массу. Способов для этого множество. Возьмем хотя бы те, которые уже кое-где существуют.

1. Собрания без повестки дня, когда каждый говорит по душам о том, что у него наболело, что его интересует.

2. Постановка маленьких вопросников, спрашивающих всех рабочих, например, следующее:

а) Что тебя особенно волнует?

б) В чем ты ожидаешь помощи ячейки?

в) Кого ты считаешь бюрократом и почему?

3. Собрания групп молодежи, объединенных общими условиями производства и быта.

4. Учет активом того, что говорится в цеху и т. д.

А главное — живое общение с молодежью, которое лучше всего показывает, чем она дышит.

Проще всего слушать ячейковому активу, непосредственно связанному с массой. Такую непосредственную связь с массой должен поддерживать и работник комитета. Но у него есть пути обобщать голос масс, брать его масштабом покрупнее.

Необходимо тщательно изучать все сведения и материалы, поступающие в райком.

Нужно слушать не только молодежь, но и тех, кто так или иначе с ней соприкасается. Взрослые рабочие, педагоги, руководители часто знают о молодежи больше, чем любой член комитета.

Мы высказываемся за то, чтобы большинство членов бюро губкома стояло у станка. Пусть такое, на деле близкое к массам бюро собирается раз в неделю и разрешает кардинальные вопросы, волнующие массы. Эти рабочие ребята должны быть полными хозяевами в комитете.

Это вновь ставит вопрос о перенесении работы комитета на вечерние часы.

Именно так уже перестроился тверской губком. Шесть членов бюро, составляющие его большинство, стоят у станка на крупнейших предприятиях.

Так нужно конструировать руководство. Нужно брать людей, теснее всего вросших в массы, имеющих в них глубокие корни. Так, в текстильных районах на руководящую работу должны быть выдвинуты девушки. Все основные предприятия обязательно должны быть представлены в составе бюро комитета.

Одного подбора рабочих ребят в бюро комитета недостаточно. Необходимо создать крепкую, широко разветвленную систему постоянно действующего массового контроля.

Основное средство контроля — г л а с н о с т ь. Все важнейшие вопросы работы комитета должны быть поставлены в местной комсомольской газете за 3 — 4 недели до окончательного их разрешения на широкое обсуждение.

Кроме всего этого, необходим еще целый ряд дополнительных гарантий.

До сих пор комитеты больше вызывали секретарей с отчетами и меньше бывали в ячейках. Нужна противоположная система.

В пролетарских организациях нужно решительно отказаться от назначений секретарей в ячейки, прибегая к нему в исключительных случаях.

Необходимо решительно отказаться от проработки вопросов на активе с тем, чтобы при помощи актива навязывать мнение комитета массам. Это омертвляет наши собрания, потому что актив связан своей внутренней дисциплиной, и споры внутри него не передаются массам. Создается искусственное разграничение комсомольцев на актив и пассив. Актив, связанный двойственной системой дисциплины (общекосмопольской и своей, активистской), бюрократизируется, а пассив переходит в мертвые души.

Таковы общие черты организационной системы, обеспечивающей связь с массой снизу доверху.

★

Мало слушать, надо действовать

Надо научить актив переключать критику в полезное социалистическое дело. В этом важнейшая задача новой системы руководства.

Организовать массы на конкретных делах у нас не умеют. Как обычно комсомольские комитеты «разрешают задачи»? Комитет по какому-нибудь важному, жизненному вопросу принимает резолюцию, а затем отстаивает ее в соответствующих организациях и учреждениях. За такими решениями комитета не стоят массы. Так дальше работать нельзя.

Как же быть? Приведем несколько примеров.

В помещение ячейки ткацкой «Пролетарки» прибежала работница и взволнованно рассказала об одном партийце, крадущем белила. Работница назвала этого партийца «сволочью».

Присутствовавший при этом комсомолец набросился на работницу:

— Как смеешь ты называть партийца «сволочью»? Какое ты вообще имеешь право орать в помещении ячейки?

Второй комсомолец, скажем, Петров, назвал за это первого «бюрократором».

Через некоторое время рабочие читали в цехах плакат, вывешенный ячейкой:

КАК КОММУНИСТУ И КОМСОМОЛЬЦУ РАЗГОВАРИВАТЬ С РАБОТНИЦЕЙ?

Суд над комсомольцем Петровым за грубое обращение с товарищем. Петров назвал комсомольца Т. бюрократором.

Кто из них бюрократ

Как коммунистам следует относиться к беспартийным.

Судить будут все присутствующие.

Приглашаются партийные и беспартийные, взрослые и молодежь.

Так этот случай ячейка сумела превратить в большое воспитательное дело, на обыкновенном и незаметном деле обсудить интересный и важный вопрос, сделать шаг к развертыванию самокритики на предприятии.

Или второй пример.

Хозяйственники тверской городской электростанции упорно не верят в производственные способности комсомольцев, относятся к ним недоверчиво, окончивших ФЗУ ребят посылают на черновую работу. Что делает ячейка? Она немедленно откликается на создавшееся положение и, чтобы доказать производственную ценность молодежи, организует особую производственную бригаду из комсомольцев и бригадиром ставит выпускника фабзавучника.

Так нужно объединять отдельные группы молодежи вокруг близких им дел.

Это — искусство, которому надо учить актив, искусство немедленного переключения в план ячеевой работы всех настроений, возникающих на производстве.

Мало слушать массы, нужно впитать в план работы их повседневные нужды и запросы.

План работы, построенный применительно к местным условиям, на основе действительных нужд, — это уже революция в системе.

Перед составлением плана работы губкома все его члены обязаны пойти в низы — на предприятия, в казармы. В беседах с молодежью они должны изучить все, чем она живет и волнуется; должна получить глубокую социальную зарядку; должны прощупать и найти здоровые точки опоры в массе для работы комитета.

Каждую задачу партии и союза массы сразу же ставят на местную конкретную почву. И помочь массам политически правильно оформить эту постановку — задача руководства.

Надо повертывать актив лицом к массе, надо учить его конкретному руководству; это должно быть центром работы комитетов.

Надо помогать активу брать из жизни темы для работы. Надо помочь ему подбирать работников. Надо учить его приближать работу по месту и времени к запросам масс.

Соединение массовой инициативы снизу с правильным политическим руководством сверху — вот что нам нужно.

Надо уметь опираться на здоровое и противопоставлять его плохому. Девушки должны быть противопоставлены пьянству и пьянствующим, — девушки злейшие враги хулиганов. Средние прослойки рабочей молодежи критически относятся к мещанским замашкам и пижонству, которые наблюдаются у ребят, более высоко оплачиваемых. Старые производственники, сросшиеся с производством, чувствующие себя хозяевами производства, должны стать носителями производственных интересов, рационализации, борьбы за качество продукции. Они должны быть противопоставлены узкоцеховым, антирационализаторским тенденциям, имеющимся в некоторых слоях рабочей молодежи. Массовые движения за перевод от черновой работы к станку, за перевод из разряда в разряд мы должны научиться противопоставлять бюрократизму отдельных хозяйственников, отдельных профбюрократов.

Опираясь на организованные массовые движения, включая их в комсомол, мы станем подлинными руководителями масс.

Это — новая система. Это — революционная перестройка жизни.

★

Ходатай или организатор?

... Весьма недостаточно охвачены комсомолом низшие категории рабочей молодежи, т. е. наиболее отсталые, наименее оплачиваемые, наименее квалифицированные, стоящие на низком культурном уровне своего развития.

(Из доклада тов. Бухарина на VIII Всесоюзном съезде комсомола).

Вопрос: „К чему ты стремишься?“ — „Я не понимаю. Я получаю по 4-му разряду, и стремиться мне не приходится...“

(Из письма рабочего-подростка в смотровую комиссию).

«... Стремиться мне не приходится...»

Эта фраза имеет глубокий смысл для некоторых слоев мало-квалифицированной молодежи.

У «наиболее отсталых, наименее-оплачиваемых слоев молодежи» вопрос о хлебе насущном, о повышении своего «материального уровня» является главенствующим и подчас отодвигает назад все остальное.

Молодой рабочий часто с пренебрежением относится к элементарной грамотности, не видя от нее непосредственной пользы. Даже фабзавучники часто рассуждают так:

— Если бы с нас не высчитывали за пропущенные часы занятий общими науками, мы бы вовсе их и не посещали.

И никто не умеет доказать им, что повышение общего культурного уровня — первое условие повышения производственной квалификации.

Вопрос о продвижении неквалифицированных молодых рабочих от черновой работы к станку был перед нами выдвинут самой жизнью.

На этом сложном вопросе мы и хотим показать, как можно работать по-новому.

Порядок продвижения существует не на всех предприятиях и не везде одинаков. Безусловно, имеются случаи произвола при переводе на квалифицированную работу, связанные с родством, кумовством и т. д.

Хотя большинство выдвижений и происходит через общественные организации, все же оно проходит таким порядком, что масса молодежи в этом деле фактически не принимает никакого участия. У мастера освобо-

ждается место у станка. Он сообщает об этом экпработнику ячейки. Тот выдвигает кого-нибудь из ребят, «согласовывает и увязывает» с фабкомом и профорганизацией. Новый рабочий становится к станку.

О том, как, кто и почему выдвинут, знают только экпработник да фабком. Естественно, что всякое новое выдвижение к станку сопровождается недовольством, толками о протекционизме, кумовстве и т. д.

Вопрос продвижения, такой близкий интересам молодежи, как правило, никогда не ставится на производственных совещаниях, на собраниях профорганизаций. Экономработники все делают сами.

Интересен случай на Вагжановской фабрике. Там на профтехнические курсы и кружки записалось 107 человек рабочей молодежи. И экпработник вместо того, чтобы привлечь к организации профессионально-технического образования актив этих ста семи, единолично хлопочет, бегаёт, пыхтит, увязывает, согласовывает и начинает понемногу падать духом, теряя веру в успех всего дела.

Прав молодой рабочий ткацкой фабрики «Пролетарка» Журавлев в оценке экпработников ячейки:

— Это не работники, не организаторы, а попрошайки!

Невольнo будешь «попрошайкой», если за тобой нет организованной массы!

Благодаря своей организационной безграмотности экономработники не умеют поставить свое дело по-общественному, не умеют организовать и активизировать молодежь вокруг вопросов труда и образования.

Работая самостоятельно, не опираясь на массы, они сводят свою работу к «попрошайничеству», согласованию и увязыванию. Работая как посредник между молодежью и фабкомом, они невольнo делаются изолаторами фабкома и администрации от молодежи.

Такова система работы по-старинке.

Как же нужно работать по-новому?

Нам нужна гласность работы

Прежде всего мы рекомендовали гласность работы — такой порядок, когда каждый важный вопрос, подлежащий решению губкома, должен быть вынесен на обсуждение всей комсомольской организации. И по вопросу о продвижении к станку мы обязаны были организовать и услышать мнение рабочей молодежи.

В местной комсомольской газете «Смена» было помещено такое объявление:

Смотровая комиссия и отдел труда и образования губкома обсуждают сейчас вопрос о передвижке в предприятиях.

КОГО СЛЕДУЕТ ПРОДВИГАТЬ?

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПОРЯДОК ПРОДВИЖЕНИЯ ОТ ЧЕРНОВОЙ РАБОТЫ К СТАНКАМ?

Об этом говорили и говорят на всех собраниях, в казармах, в цехах, по-своему разрешают вопрос.

Мы обращаемся к молодым рабочим Тверской губернии:

— Всех станками не обеспечишь, но устранить безобразия, имеющие кое-где место, мы должны и обязаны.

Давайте же вместе обсудим и выработаем требования комсомола по этому вопросу!

Пишите свои жалобы, вносите свои предложения в газету «Смена».

Кроме того, мы на-днях созываем собрания чернорабочих нескольких предприятий на эту тему.

Смотровая комиссия ЦК ВЛКСМ
и «Комсомольской Правды».

Живой вопрос, поставленный в живой форме, немедленно вызвал множество откликов.

Мы даем здесь предложения рабочей молодежи о порядке продвижения. Мы даем протокол собрания неквалифицированных работниц-с'емщиц, созданного ячейкой прядильной фабрики «Пролетарка», по вопросу о продвижении к станку.

Собрание было необычайно оживленным.

Выступали очень активно, некоторые даже по четыре раза. Вопрос, глубоко задевающий интересы молодежи, вызвал огромную активность.

О чем говорили молодые неквалифицированные работницы?

Они не требовали надбавки, не настаивали на невозможном повышении расценок.

Они требуют справедливости, протестуют против протекционизма, кумовства, продвижения «своих» людей.

Мы приводим самые характерные выступления.

Тов. Чернышева, А.

— Администрация продвигает по-своему, не учитывая квалификации. С'емщицам некогда учиться. Подмастерья не ставят молодежь на машину даже тогда, когда кормилки уходят с машины по своим делам. Если начинаешь учиться заправлять, — говорят: «куда же вас поставить, слишком много ученой молодежи будет».

Тов. Чернышева, М.

— У нас продвижение очень плохое. Работаешь на с'емках два года, а на машину учиться не ставят.

Тов. Губанова.

— На машину-то ставят, да только тех, которые присланы к нам на 9 месяцев учиться. А кто работает давно, тех не ставят.

Банкоброшница Даша.

— У нас есть подмастерья, они на машины ставят не ту молодежь, которая проработала два года, а любимчиков. Старых же банкоброшниц посылают на размотку катушек.

Тов. Голова.

— Обучают нас очень плохо. Мы проучились несколько месяцев, а не знаем, как заправлять. Я стала заправлять, а банкоброшница пустила машину и мне руки сбила.

Тов. Ильина.

— В прошлом году выпустили учеников фабзавуча — ватерщиков. Их перевели в прядильную «Пролетарки», обещав, что при установке новых ватерных машин дадут работу по квалификации. Так до сих пор и не поставили. При переходе «Вагжановки» на 7-часовой рабочий день эти ученики хотели перейти туда, но молодежи этой не дали перевода на ватерщиков, а давали на с'емщиков. А мы на с'емку не пошли и остались ждать: когда-то нам дадут машины.

И еще о тов. Мурашове. Пришла его очередь быть выдвинутым в смазчики. А на его место, глядь, поставили другого. Когда он пришел к мастеру, он ему ответил: «Не в свое дело не суйся».

Вот она, живая экономработа, которая проходила мимо ходатаев из ячеек и губкома! В увязке и углублении затерялся голос рабочей молодежи, ее законные и заслуженные требования...

Собрание избрало двух девушек, до того не принимавших участия в общественной работе, и поручило им созвать с представителями фабкома и администрации собрания по другим цехам, с постановкой того же вопроса о продвижении.

Затем предложено собрать все отдельные предложения о порядке перевода на станки и на основе всех этих материалов поставить на фабкоме и на производственном совещании вопрос об установлении порядка продвижения с черновой работы на квалифицированную.

Собранием было вынесено решение о переводе к станку лучших производственников. Решено было также объявить списки производственного стажа кандидатов на станки и выдвигать тех, кто дольше работает на черновой работе.

Таким образом этот вопрос станет достоянием всей рабочей молодежи фабрики. Путем таких собраний он должен стать

достоянием рабочей молодежи всех предприятий губернии. И решение ГК по вопросу о продвижении должно быть результатом такой массовой дискуссии, такого массового движения.

Под контролем массы

Нас спросят: что же, после собраний в прядильной прибавится хотя бы один станок, чтобы поставить добавочно хотя бы одного молодого рабочего? Станков, конечно, не прибавится. Но система, когда перевод целиком стоит под контролем всей массы рабочей молодежи, раз навсегда пресечет безобразия в деле продвижения, пресечет протекционизм и кумовство.

Система, когда рабочая молодежь сама вырабатывает для себя порядок перевода к станку, сама решает свои вопросы, делает молодежь настоящим хозяином производства.

Такие собрания активизируют новые группы молодежи.

На такое собрание должен прийти экономработник губкома, райкома, должен помочь его провести. На таком собрании низовые активисты будут учиться у работника комитета, как нужно раз'яснять массе, почему нельзя всем дать станки и почему необходимо профтехобразование. И когда губкомовские работники побывают на таких собраниях, когда они услышат голос массы, тогда решения губкома по вопросам труда и образования, выросшие на базе широкого массового творчества, будут действительно жизненны и будут выполнены.

Мы считаем, что путем такого широкого массового обсуждения надо подготовить решения не только по вопросам перевода к станку, но и о порядке продвижения из разряда в разряд, о профтехническом образовании, об ученичестве, о взаимоотношениях с мастерами, о выдвижении девушек на работу высокой квалификации и т. д.

Экономправработа должна быть выведена на широкий массовый путь, ибо она — приводной ремень к малоквалифицированным слоям рабочей молодежи.

Куда везет велосипед?

Когда одному комсомольскому работнику рассказывали о пятистах молодых рабочих фабрайона в Твери, подписавшихся на велосипеда, он недоверчиво протянул:

— Знаем мы эти пятьсот велосипедов! На них ребята будут удирают от комсомола...

«Скрепя сердце», мы должны сознаться, что это именно так.

В самом деле. Накопит парень денег, купит велосипед и катается. И никому до этого дела нет. Время, потраченное вело-

сипедистом на катанье, оставалось для комсомола «нелегальным» временем. А невключенный в общественную жизнь велосипед может отвести ребят от комсомола. Так в Твери было не только с велосипедом, но и с целым рядом других вещей.

Один работник райкома в Твери жаловался нам:

— Разное любительство отвлекает ребят от политики, от работы. Занимаются ребята своими радиоприемниками и забывают о комсомольской нагрузке.

А старый рабочий завода «1-е Мая» сказал:

— Голубями у нас занимаются хулиганы! Голуби дружат с хулиганами.

И голуби, и охотничье ружье, и гармошка, и радиоприемник, и десятки других подобных вещей только тогда отвлекают комсомольца от политики, когда сам комсомол не интересуется ими.

На конкретном примере велосипеда мы хотим показать, как надо большие движения, существующие вокруг различных видов любительства, включить в комсомольскую машину.

Велосипед — мощное средство воспитания не только физического, но и общественного. Мы показывали уже группу молодых рабочих вагонного завода, бывших хулиганов и пьяниц, которые, приобретя велосипеды, организовали, вероятно, единственный в СССР исключительный шумовой оркестр на велосипедах. Правда, здесь велосипед сделал только половину дела, которое бы мог сделать. Он по-прежнему отвлекает от хулиганства и пьянки, но еще не притягивает их к общественной жизни, к комсомолу. Велосипед, предоставленный самому себе, остановился на полдороге...

Как же сделать так, чтобы велосипед привез рабочего парня от пьянства к комсомолу? Как комсомолу овладеть велосипедом?

Прежде всего каждый велосипедист материально заинтересован своей машиной, заинтересован в том, чтобы машина всегда была отремонтирована, чтобы к ней всегда имелись хорошие и дешевые запасные части, камеры, покрышки и т. д. Со всеми этими своими нуждами ребята тянутся к организации. 500 молодых рабочих в Твери для накопления средств на велосипеды обратились к помощи организации — страхассы.

И вот по этой-то линии комсомол должен прежде всего притти на помощь велосипедистам. Он должен созвать конференцию любителей велосипеда и разрешить на ней вопросы коллективного приобретения машин, частей к ним и коллективного ремонта. Органическое стремление молодежи разрешить свои дела коллективно комсомол может и должен оформить.

Велосипед в руках комсомола станет орудием воспитания коллективизма.

Возглавить велосипедное движение, овладеть велосипедом мало, — надо уметь использовать эту ценную вещь и для выработки коммунистического сознания

Смотровая комиссия предложила тверским велосипедистам сделать выезд в деревню. Несмотря на ненастный дождливый день, явилось несколько ребят и поехали в деревню по делам смотра.

Кататься на велосипеде по улицам без определенной цели скоро надоест. Но если велосипедисту дать задание, связанное с интересной поездкой, он задание с удовольствием выполнит. Оно сообщит велосипедисту коммунистическую целеустремленность, вложит смысл в его езду. Велосипед становится шефским звеном между городом и деревней. В свободное время велосипедисты всегда выедут в деревню. Они проведут беседу с крестьянами, отвезут литературу, помогут установить радио в избачитальне, наладить сельхозмашины. Такие ребята перед выездом в деревню с интересом прослушают инструктивное объяснение политики и практики взимания сельхозналога и распространения займа.

Таким образом спорт связывается с политикой, личные интересы перерастают в общественные.

* * *

Судя по опыту Твери, можно сказать, что дело с культурно-массовой работой у нас обстоит неважно. Большинство руководителей полагает, что «развертывание такой работы среди молодежи упирается в отсутствие средств».

Верно, что в Твери на культурно-массовую работу среди молодежи профсоюзы дают очень мало денег. Руководители профсоюзной культработы считают, что молодежь не имеет своих особых запросов и качеств. Но и те средства, которые отпускаются на культурную работу, не используются как следует. О случаях головотяпства в деле использования средств нам говорят письма рабочих-физкультурников.

Физкультурное движение в Твери гложет. По официальным данным, за последний год губернская организация уменьшилась на 1.600 человек. Многие считают эту цифру сильно преуменьшенной. Люди надумали рационализацию физкультуры, а на деле «рационализировали» молодежь от физкультуры. На «рационализированные» центральные стадионы молодежь не ходит. Израсходована уйма денег, а людей обслужено ничтожное количество. Но зато масса молодежи, тянущаяся к физкультуре, создает у себя на месте «дикие» физкультурные организации, в роде дикой футбольной «команды дяди Вани» на «Пролетарке».

Эти факты говорят нам, что дело развертывания культурной массовой работы упирается прежде всего в толковую организацию этой работы. И организатором должен стать комсомол. Если он будет стоять во главе молодежи, объединенной вокруг интерес-

ного для нее дела, головотяпы не смогут «рационализировать» физкультуру.

Молодежный «Ленинский клуб» фабрайона Твери мал и не может обслужить огромную массу рабочей молодежи тверских предприятий. Но он может и должен стать базой организаторов.

Вечеринка комсомольского актива ткацкой фабрики «Пролетарка», на которой после двухчасовой оживленной беседы на тему «Каким должен быть активист» ребята хорошо веселились — без окурков, дыма, мата и пьянки, — должна послужить прообразом таких же вечеринок в цех'ячейках.

Правда, довольно редко, но нам удавалось встретить вечером у ворот казармы трезвого гармониста, который собирал около себя кучу молодежи и заводил веселье. Конкурсы на лучшего плясуна, на лучшего забавника и т. д. должны войти в систему нашей культурно-массовой работы. Каждый такой конкурс выявит пару — другую новых организаторов.

Наш союз охватывает главным образом средние категории рабочей молодежи. Но в союзе и на производстве есть значительная прослойка ребят высокой квалификации, материально хорошо обеспеченных, культурных и серьезных. Это люди с большими творческими возможностями, люди, каждую минуту чувствующие себя хозяевами жизни. Почти все они любители. Материальное состояние позволяет им приобрести и велосипед, и приемник, и охотничье ружье. Комсомол должен научить эту молодежь содействовать поднятию культурного уровня всей массы молодежи, думать не только о себе.

Любитель сам в руки не дается. Надо найти его, надо организовать его, подружиться с его гармошкой и с его ружьем, и тогда охват комсомолом культурных запросов молодежи будет обеспечен.

На высшую ступень большевистской квалификации

На пленуме тверского губкома, подводившем итоги смотра, очень остро стал вопрос о людях, о кадрах. Тверские активисты прямо заявили, что организация не располагает подготовленными руководителями, которые могли бы подвести многообразие личных интересов и настроений к руководству. И еще труднее сейчас приблизить руководство к массам. С этой работой мы еще неудовлетворительно справляемся.

Как мы это делаем?

Мы неплохо отражаем в наших лозунгах лучшие устремления молодежи. Масса требует борьбы с бюрократизмом — мы даем «легкую кавалерию». Масса тянется к культуре — отсюда лозунг культурного похода.

Но эти общие лозунги нужно проводить в многообразии местных условий. Если расшифровать обращенные наверх требования «Научите, как сделать», это значит — «Научите, как приспособлять лозунги к местным условиям».

Надо показать активу, что исход не только в руководстве, но и в массе. Актив не должен ждать с неба «жареных рябчиков», ждать, пока комитетские «боги» покажут ему, как сделать, надо актив повернуть лицом к массам, заставить его изучать условия, к которым он должен приспособить лозунги.

Значит ли это, что ЦК и комитеты должны отказаться от показа хорошей работы, от перенесения опыта? Если из комитета физически невозможно научить всех и каждого «как сделать», если нельзя заготовить рецепт на каждый случай местной жизни, то надо обобщать опыт, давать методологию работы.

У нас в союзе не хватает обобщения фактов! Нехватает именно критерия, нехватает ключа к использованию фактов. Опыт надо обобщать критически, со смыслом.

Покажем, как далеко у нас до такого всестороннего и грамотного обобщения нашего опыта.

Жизнь выдвинула формы конкурсов, переключек и т. д. Мы, ничего не прибавив, начали кричать об этих формах. Объяснили ли мы, в чем их успех? Объяснили ли мы принципиальную разницу между нашим соревнованием и буржуазным рекордсменством, чтобы люди не наделали глупостей? В 1926 году в Ленинграде и теперь в Твери среди актива есть мнение, что соревнование развивает вредный индивидуализм. А Ленин, как известно, говорил о соревновании как о важнейшем методе воспитания масс. Кто рассказал об этом союзу?

Или проблема взаимодействия людей и системы? Любой Обломов, как известно, свою скверную работу оправдывает системой.

Далее. Говорят, что снятие работников заразительно. И начинают снимать где надо и где не надо. А при грамотном понимании взаимоотношения людей и системы было бы легче сообразить, где дело в людях и где виновата система.

Или вот сообщили из Твери о фетишизации форм. Вопрос о соотношении формы и содержания, так же как и вопрос о соотношении личности и системы, не нов в марксистско-ленинской теории. А проблема большевистского перенесения опыта? А проблема заданий и инициативы? Кто всерьез изучил и разработал эти вопросы в применении к союзу?

Учить актив приспособлять лозунги к местным условиям — это значит принципиально обобщать местный опыт.

Сейчас, больше чем когда-либо, подходит лозунг: «лучше меньше, да лучше». Пусть возьмут одну ячейку и посадят туда подготовленную группу активистов на продолжительный срок. Пусть покажут союзу социальный состав ячейки и какие конкретные дела на этот скелет можно нанизать. Пусть покажут

смысл методов, которыми эти дела сделаны. Пусть проделают глубокую научную работу. Наш союз созрел для нее, он требует опытно-показательных дел.

На низовом активе у нас лежат большие обязанности.

А работа с ним, над обобщением его опыта у нас обратно пропорциональна союзной практике. Еще года 3—4 назад, когда практики было меньше, существовало множество форм теоретического воспитания актива. А теперь собирают актив на совещания по «специальностям», заставляют механически крохоборствовать.

Спрос сейчас на более углубленное руководство. Нужно это осознать и подтянуться. В работе с активом каждый факт надо поднимать на принципиальную высоту. Нужно, чтобы актив понимал его социальный смысл.

Все вопросы комсомольской работы должны разрешаться путем широкого массового обсуждения.

«Встречная волна» требует, чтобы с ней сомкнулся не актив, воспитанный на циркулярщине, а сознательный и грамотный руководитель, воспитанный на марксистско-ленинской теории.

Каковы же краткие итоги всему сказанному?

Лозунгом сегодняшнего дня должно стать: сомкнуть руководство с массой.

Надо каждому комсомольцу дать в руки ключ к своей организации и сказать ему: требуй, чтобы организация занималась твоими интересами, чтобы она учила тебя стать культурнее, чтобы она сделала тебя новым человеком, полезным рабочему классу.

Чтобы самокритика не превратилась в говорильню, надо разработать и организационно закрепить систему учета настроений, начиная от ячейки и кончая ЦК.

Активист не может организовывать массовое движение без принципиальной установки, не будучи развитым. Поэтому нужно разработать широкую систему теоретической работы с активом. Чем больше практики, тем больше необходима теория.

Все комитеты, начиная с ЦК, должны приступить к организации опытно-показательной работы и к принципиальному обобщению опыта. Это будет показ, как приспособлять лозунги и директивы к местным условиям, как на деле сомкнуться с массой.

Встречная волна разрастается. Мы обязаны встретить ее с грамотным, толковым и развитым активом. Мы обязаны встретить ее во всеоружии марксистско-ленинской теории, и она вынесет наше движение на новую, высшую ступень, она приблизит нас к разрешению важнейших задач комсомола.